

Весна
2025

SÖZDAY

#3

Kazakhstani Independent Literary Magazine

Поэзия

*Рамиль Ниязов
Мадлен Бейлина*

Проза

*Илья Семенов (Киреев)
Серик Мейржанов*

Критика и переводы

*Кишиштоф Шатравски
Саиа Левин*

SØZDAY, N°2 (03) 2025

LITPRAKTIKUM
Алматы

SØZDAY

Независимый литературно-художественный журнал

Основан в июне 2024 года

№2 (03) 2025

SØZDAY - международный литературно-художественный журнал, издающийся в городе Алматы, Казахстан. Журнал выходит 4 раза в год и публикует на своих страницах прозу, поэзию, эссе и литературные переводы.

Главный редактор: Илья Одегов

Литературные редакторы: Владислав Резников, Ольга Капитова

Веб-редактор: Алексей Талаев

Вёрстка и дизайн: Дина Абдулхамид, Дмитрий Перели

СММ: Алия Нуржанова

Координатор: Жанара Аламанова

Иллюстрация на обложке: Дмитрий Фалеев

Сайт журнала: www.sozday.kz

E-mail: sozday@sozday.kz

Не является средством массовой информации. Тираж печатной версии - 99 экземпляров. Электронная версия распространяется исключительно в культурных и образовательных целях.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора 4

ПРОЗА

Илья Семенов — НАДА, *рассказы* 7

Александра Разживина — А ТЕБЕ ЕЩЁ ОСТАЛОСЬ ЖДАТЬ, *рассказ* 21

Серик Мейржанов — ГОХА И МАЙНЫ, *рассказ* 38

Светлана Костина — ЗАМУЖ ЗА ТУЗИКОВА, *рассказ* 48

Юлия Агентова — РАССКАЗЫ О ЛЕЛЬКЕ, *рассказы* 52

Марфуга Ахметова — ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ, *рассказ* 64

Асель Исмаилова — ТО, ЧТО БУДЕТ И ПОСЛЕ, *рассказ* 68

ПОЭЗИЯ

Рамиль Ниязов — ЗЕМЛЯ ПЫЛАЮЩЕЙ СИРЕНИ, *стихи* 77

Наталья Дроздова — НИКАКИХ СТИХОВ, *стихи* 84

Мадлен Бейлина — НА ДОНЬШКЕ ДУШИ, *стихи* 87

ТЕОРИЯ

Саша Левин — ПРИНЦЕССЫ КРОВОТОЧАТ. Пять казахстанских книг, написанных женщинами, *критическое эссе* 97

ПЕРЕВОДЫ

Кшиштоф Шатравски — CISZA/ТИШИНА, *стихи, перевод с польского Евгении Добровой* 105

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

С радостью представляю вам новый номер журнала SØZDAY!

Этот выпуск получился наполненным духом магического реализма. То ли дело в весне, то ли в мировых событиях, наблюдая за которыми, только и остаётся верить в чудо.., но очень во многих текстах весеннего номера запредельное всячески прорывается в реальность.

На наших страницах вы сможете наблюдать за любовным треугольником с участием настоящего Медведя, увидите, как волшебный Гоха прогнал из Алматы афганских майн, узнаете, что общего у уйгуров и финнов, услышите, как бьются в унисон сердца с колоколами... А ещё весна — это время, когда хочется праздновать Наурыз, любоваться маковыми полями, выходить замуж (пусть и за Тузикова), наслаждаться обыкновенно-необыкновенным весенним воздухом и знакомиться с женскими голосами в литературе. Всё это обязательно случится с вами во время чтения.

Хочу выразить благодарность нашим авторам, без чьих произведений этот номер не состоялся бы, всей нашей команде, которая с энтузиазмом настоящих культурных подвижников работает над каждым выпуском, и вам, дорогие читатели, за постоянный интерес и поддержку!

Журнал SØZDAY и дальше будет предлагать вашему вниманию новые творческие высказывания известных авторов, искать и открывать для вас яркие имена и голоса, поддерживать писателей, которым есть что сказать миру. Присоединяйтесь к нашему читательскому кругу!

Надеемся, что каждый найдёт на этих страницах что-то своё.

С нетерпением ждём ваших откликов.

Приятного чтения!

**Илья Одегов,
главный редактор журнала SØZDAY**

ПРОЗА

Илья Семенов (Илья Киреев)

НАДА

рассказы

МЕДВЕДЬ

Я сразу же понял, что её нет рядом. Протянул руку в футоне и не нашёл её. Открыл глаза и некоторое время не двигался, просто смотрел на свою комнату. Я рассматривал старую квадратную пластиковую люстру, имитирующую японские люстры времени сёва, закрытые сёдзи стенного шкафа-осиире, небольшую книжную полку, набитую русскими и японскими книгами. Это что-то вроде моего метода находить выход из сложных ситуаций — просто замереть и ждать, когда правильный ответ сам капнет в голову. Хотя капать тут было нечему. Всё и так ясно — она меня бросила. Обычная история. Таких много. Как у Ли Хукера. Герой просыпается утром, а его подруги нет рядом. Старый сюжет. Единственное тут оригинальное — это то, что со мной это происходило впервые.

Я медленно поднялся, натянул майку и пошёл на кухню. Достал из холодильника молоко, налил в стакан и выпил залпом. Совершенно не в рамках стиля и тем более не круто. Вместо молока должен быть виски. Но если так рассуждать, то и вместо меня должен быть кто-то другой.

Илья Семенов — писатель, музыкант. Родился в 1982 году в г.Алматы. Учился на факультете японской филологии в КазГУМОиМЯ, а затем — в СПбГУП. Был выпускником одного из первых литературных мастер-классов казахстанского фонда поддержки культуры и искусств «Мусагет». Стихи и проза публиковались в журнале «Аполлинарий» под собственным именем, а также под псевдонимом Илья Киреев. Играл на флейте и прочих духовых инструментах в музыкальном ансамбле «Фопаджаро». Вместе с Ильей Одеговым и Тимуром Актаевым был одним из авторов экспериментального спектакля «Колесо». Увлекался японской культурой, занимался айкидо. Долгое время жил и работал в Японии, где и умер в 2013 году.

Она ушла из моей квартиры слишком рано. Часы показывали 6:20. Я посмотрел вокруг. И сумочка, и беспорядочно разбросанные чулки, платье, косметичка — всё это исчезло. Интересно, когда она собрала всё, да ещё и так, чтобы не разбудить меня?

Непонятно. Вчера мы не ругались, да и вообще мы не ругались ни разу. Так, было пару разговоров на повышенных тонах — из-за чего, я даже не помню, — но это бывает у всех. А так, чтобы серьёзно рассориться и ночью понять, что всё, не могу больше, и разговаривать с ним больше нет сил. Лучше я тихо соберу вещи и уйду навсегда. Молча... Ерунда какая-то.

Если бы она спешила домой, она бы предупредила меня сразу же, как приехала в Кобе. Кроме того, она бы подготовила все вещи заранее — иногда мне даже казалось, что её расписание для неё важнее, чем наши отношения. А сейчас происходило что-то совсем обратное: вчера при встрече она сказала, что хочет побыть у меня до вечера воскресенья, то есть до конца сегодняшнего дня, что у неё совершенно нет важных дел. Кроме того, я отлично помню бардак из бутылочек и тюбиков, который она вчера устроила в ванной. Но сегодня в 6:20 утра её нет.

Перед тем как позвонить ей, я подумал, что будет уместным написать письмо. Я достал телефон и отправил очень коротко: «Ты где?» Потом пошёл в душ, почистил зубы, вернулся на кухню и смастерил себе нехитрый завтрак: два бутерброда с сыром и холодный чай. Никогда не любил готовить, поэтому питался из рук вон плохо.

Ответа не было. Я посмотрел в телефоне время отправки: 7:43. Сейчас 8:37. Почти час назад. Я решил позвонить. Набрал её телефон. Как я и думал, она не ответила. Не то чтобы я весь такой уверенный в себе, что не могу представить, что от меня уходит девушка. Нет, дело в другом. В том, что обычно голова сама рисует страшные картинки — всякие истории, полные опасности, пожаров, наводнений, убийств, злых людей, предателей и ножей в тёмных переулках.

Хотя вряд ли ко мне в комнату прокрадётся вор-убийца, выкрадет её, как кавказскую красавицу, аккуратно собрав все её вещи. Но тем не менее я начал волноваться.

Кстати, если она ушла сама, по идее, должна быть открыта входная дверь.

Я прошёл в прихожую. После недолгого колебания повернул ручку двери и толкнул. Дверь поддавалась и открылась.

Мы познакомились в октябре.

Мой приятель позвонил мне и предложил съездить в Киёмидзудэра. Я, конечно же, согласился, хотя совершенно не представлял, что это такое. С таким же успехом я принял бы приглашение посмотреть, какие цветы расцвели во дворе его соседа. Народу было много. Мы кое-как протискивались среди туристов. Несколько раз на глаза попадалась табличка: «Не пользоваться треногами».

— Для чего это? — спросил я.

— Для того, чтобы не создавать столпотворение. Потому что, когда человек ставит треногу и начинает фотографировать, это означает, что он останавливается на одном месте надолго, — ответил мой приятель.

Возвращаясь, мы спустились по тропинке, лежащей справа от храма. По дороге столкнулись с группой из четырёх молодых людей. Три иностранца и одна японка. Девушка показалась мне очень напористой. Парни были американцами, и японка старалась копировать их развязность, манеру говорить и громко смеяться. Это ей не шло. Она оказалась бывшей однокурсницей моего знакомого. Он представил нас. Она тем же копирующим американский тоном сказала, что её зовут Юкико, и вручила мне свою визитку. Как я узнал позже, она недавно устроилась работать в большую японскую корпорацию, и само название фирмы на визитке было для неё большой гордостью.

Прошло где-то полгода. Я уже побывал в основных местах, съездил в Токио, Нару, несколько раз был в Киото. Одним словом, я стал потихоньку обращать внимание не на вещественную материальную культуру, а больше на людей и их отношения. А если ещё проще — за это время я успел насмотреться на японских красавиц, и мне было очень интересно пообщаться с ними поближе.

Я вспомнил про её визитку и написал на её рабочий почтовый адрес. Я отправил очень сухое короткое письмо, из которого следовало, что, если что, пиши вот сюда. Она ответила сразу со своего личного адреса, попросив, конечно, больше не писать ей на работу.

Мы стали переписываться. Ничего особенного. По большому счёту, общих тем у нас не было, но я понял, что я ей интересен, и она была интересна мне.

Мой приятель играл на электрогитаре и иногда выступал сольно на маленьких концертах в небольших клубах. То, что называется «райбу». На один из таких он и пригласил меня. Во время концерта мне позвонила Юкико и сказала, что тоже хочет приехать.

После концерта мы втроем закупили пива и всякой солёной ерунды и пошли на детскую площадку. Часы показывали уже начало одиннадцатого. В принципе, ей нужно было бы отказаться и поехать домой — всё-таки она жила в Киото, а до него нужно было ещё ехать. Вместо этого она пошла с нами. Мы сидели на этой площадке как три подростка из российской действительности. Скамейка, гитара, пиво. Только вот играющий пел не Цоя, а Боба Дилана. На плохом английском, плохо играл. Но это было неважно. Уже стемнело. С улиц исчезли прохожие. В небе сиял месяц, и мы здесь, на дне этого мира, сидели и слушали Дилана. Вдалеке включили неоновое освещение в церкви, и крест на крыше стал светить почему-то голубым цветом. Время перевалило за полночь.

Первое время я поглядывал на часы, потом перестал. В принципе, я не возражал, мягко говоря.

— Ой, — сказала она. — Уже почти час ночи. Электрички не ходят. Что же делать?

— Что же делать? — улыбаясь, повторил мой приятель.

— Может быть, пойдём в Макдоналдс и будем сидеть там всю ночь? Или можно тут до утра. В принципе, не холодно, — улыбаясь, произнёс я.

— Да нет, что-то как-то совсем неинтересно, — улыбаясь, ответила она.

— Может быть, тогда ко мне? У меня тесно, кроме татами ничего нет, но как-нибудь устроиться можно.

Я жил на соседней станции, поэтому пешком можно было пройти минут за сорок.

— Да? — медленно, стараясь выдерживать роль, произнесла она.

— Ага.

— Ну хорошо, спасибо!

В эту ночь она стала моей.

Мы стали парнем и девушкой. Она жила в Киото, между нами было пятьдесят минут езды на сверхскорой электричке. Мы встречались два раза в месяц — с субботы на воскресенье. У неё и у меня на работе царило строгое расписание.

Мы ходили с ней в кинотеатры. Я покупал попкорн и кока-колу и ужасно нервничал, когда, нагруженный всем этим, поднимался по лестнице до своего места в зрительном зале. Как бы я ни старался делать умный и интеллигентный вид, я всё равно выглядел как тупой гайдзин, который подцепил тёлку и гуляет её, нехитро развлекая попкорном в киношке.

Часто мы смотрели фильмы у меня дома. Мы брали DVD в TSUTAYA, долго ходили между полок, выбирая что-нибудь, что бы подходило для нашего вечера. Её вкус в фильмах мне не нравился. По большей части она любила современные американские блокбастеры с известными актёрами. Я же продолжал строить из себя умника, поэтому специально не смотрел в их сторону и искал что-нибудь «редкое». Но искать редкое среди тысяч фильмов, которые ты и так не смотришь, — занятие, требующее сил и выдержки, поэтому я сдавался минут через пятнадцать. Мы брали что-нибудь вроде «Дьявол носит Прада» и шли ко мне.

На самом деле всё было просто, и я знал это. Кроме этого, я знал ещё две вещи. Первое — она ушла к медведю. И второе — до его пещеры отсюда два часа на электричке.

Я даже не собирался в дорогу. Просто взял рюкзак с бумажником внутри, натянул кроссовки и, как был в растянутом спортивном костюме и застиранной белой майке, так и вышел на улицу.

В электричке я ни о чём не думал. Просто таращился на пролетающие мимо маленькие домики, машинки и людей.

По дороге я стал соображать: как же я его поборю? Ведь я всегда был хилым. К тому же эта растянутая белая майка... Что есть у меня такого, что поможет мне его победить?

А у него когти и шкура. Он роста, наверное, раза в два больше меня. Да, даже если он и маленький, как многое здесь, то наверняка

всё равно сильнее меня.

Когда я прибыл на место, моя неуверенность ещё больше окрепла, а смелость, если она и была, исчезла вовсе. Откровенно говоря, я сам не представлял, зачем я сюда приехал. Всё, что мной двигало, — это одно-единственное нехитрое чувство: вернуть себе то, что мне изначально принадлежало.

Мачо я никогда не был, поэтому зрелищных боёв за женщину мне не сотворить никогда. Я думал об этом, рассматривая холодную и промёрзшую местность. Земля была покрыта инеем, здесь и там торчали сухие пучки травы, обсыпанные, как пудрой, белым ледяным порошком. Ветер бил прямо в лицо, и моя белая растянутая майка больше была похожа на флаг сдающегося корабля, чем на одежду человека, собирающегося победить медведя.

Его пещера была видна издали — зловеще зияющая дыра в скале, поднимающаяся над поверхностью долины.

Пока я дошёл до скалы, прошёл, наверное, час или два. Кое-как вскарабкался по камням и наконец-то забрался внутрь.

Она сидела у огня, на огромной куче хлама. Я не понял, что это — всё внутри было грязным от копоты, пыли и ещё чего-то непонятного. Пахло животным (медведь, догадался я), огнём, углём и калом (медведь, снова догадался я). Она увидела меня, но ничего не сказала. Просто молча продолжала палочкой ворошить угли в огне.

Я подошёл к ней и взял за руку. Объяснять тут нечего. И ей, и мне всё и так было понятно. Единственное существо, которому нужно было что-то объяснять, был медведь, но я его не видел. Я резко дёрнул её за руку, и она поднялась. Молча, не смотря мне в лицо, она потянула за собой свою сумочку. Я повернулся к выходу, и мы пошли.

Именно в эту минуту появился медведь. Раза в два больше, чем я себе представлял.

Как-то было нелогично. Самый большой медведь, которого я видел по телевизору, был в Америке. А здесь — Япония. Почему же тогда японские медведи больше американских?

Вот оно. Классический из всех классических сюжетов. Даже так: сюжет этот был известен ещё до того, как люди научились писать, думать и вообще — до того, как появился первый человек.

Она стояла в нескольких метрах, изо всех сил стараясь делать своё лицо невинным, а свой вид — беспомощным.

Мы же смотрели друг на друга злыми глазами, думая только об одном — как бы друг друга убить. И всё только для того, чтобы девушка, которая стояла в нескольких метрах, оказалась твоей.

По большому счёту, мне было проще — я был меньше, слабее, полностью безоружный и в белой растянутой майке, поэтому размышлять о стратегии и всей этой ерунде не имело смысла. Может быть, это мне и помогло.

Не раздумывая, я что есть сил закричал: «Ааа!» — и, насколько позволяли два метра между мной и медведем, разбежался, пригнул голову и ударил головой ему в живот.

Не знаю, что больше подействовало: мой удар, моё «Ааа!» или то, что я сделал это, совсем не дав ему времени одуматься, но он сделал шаг назад, потом второй, заревел, остановился на секунду и медленно, покачиваясь, поплёлся к выходу.

«Хм... — подумал я. — Победил медведя. Может быть, ещё получится стать мачо».

Я взял её за руку, и мы пошли из пещеры.

Хорошо бы, если бы всё закончилось именно так.

НАДА

В тот день я закончил работу поздно — возвращаясь домой, я вышел из своего поезда в 23:13. На платформе уже почти никого не было. Несколько сарариманов в перекошенных от целого дня работы пиджаках — вот и всё. Я поднялся по деревянным ступеням лестницы, ведущей к переходу над железнодорожным полотном, и побрёл к выходу. Для того чтобы выйти из станции, мне снова нужно было спуститься — уже на другой стороне перехода, по точно такой же скрипучей старой лестнице. Старая добрая станция Нада.

Центр Кобе — это Санномия. Это транспортный узел, в который сходятся линии JR, Ханкю, Хансин и метро. Здесь расположено большинство государственных зданий, филиалы больших компаний, увеселительные кварталы, модные магазины.

Не доезжая одну станцию до Санномии, на линии JR находится станция Роккомити. Это тоже большая станция с выходами на первом и втором этажах, с возможностью, не спускаясь на проезжую часть, прямо по специальным навесным мостам пройти сквозь пять-шесть жилых зданий и попасть в местный муниципалитет. На этой станции находится главная библиотека района в несколько этажей. Здесь же располагаются несколько фитнес-клубов, два больших супермаркета, большой филиал TSUTAYA. Одним словом — это станция рядом с центром.

И вот вы садитесь на локальную электричку. Именно на локальную — если вы сядете на скоростную, вы даже не заметите, что между Санномия и Роккомити есть что-то ещё. Поезд остановится ровно посередине вашего пути. Вы выйдете на узкий перрон, защищённый от дождя старой шиферной крышей. Крышу подпирают такие же старые железные балки, покрытые облупившейся краской. Между перронами, над железнодорожным полотном висит деревянный переход, к которому ведут деревянные же лестницы. Скрипучий, заброшенный деревянный уголок, выживший прямо под боком у двух транспортных гигантов.

Сарариманы оказались быстрее меня. Когда я поднялся по лестнице, ни одного из них уже не было. Я медленно шёл по тускло освещённому проходу, слушая, как скрипят деревянные доски подо мной. Всё-таки я сильно устал. Офисная работа, особенно если её выполняешь до самого вечера, всегда приводит мой мир к тому, что он начинает состоять из совершенно не связанных друг с другом осколков информации. Это могут быть запахи, звуки, образы, из которых я выбираю что-то одно и просто смотрю, никак не принимая участия и тем более не выказывая желания поучаствовать. Сейчас это был скрип половиц.

Когда я поднял голову, то вдруг увидел, что под потолком, раскрячавшись, упершись своими четырьмя лапами в деревянные балки, смотрит на меня сверху большая лягушка. Она была огромная. Навскидку мне показалось, что она больше меня раза в два. Её огромные глаза безучастно смотрели прямо на меня.

Когда, как я понимаю, она поняла, что обнаружена, она даже не

дёрнулась, не сделала ни движения. Просто всё так же продолжала тарашить свои пустые и застывшие глаза.

Она висела под потолком метрах в пяти впереди от меня. Я остановился, не зная, идти мне дальше или повернуться и пойти к противоположному выходу со станции. Но было уже поздно, я шёл уставший, голова гудела, и тело не хотело делать никаких незапланированных движений. Просто хотелось тихо дойти до дома, принять душ и лечь спать. Поэтому я, чуть-чуть помедлив, решил просто пройти мимо. Когда я проходил под ней, она так же не издала ни звука и не произвела движения.

Я прошёл мимо, спустился по лестнице с другой стороны полотна, прошёл через турникет и направился к себе домой.

Не то чтобы мне было не любопытно или не страшно. Нет, просто усталость сделала из меня совершенно безразличное существо, все чувства и способность мыслить стали плоскими и серыми. Сейчас мне было всё равно. Наверное, если бы мне сказали, что вся округа заминирована и что через минуту всё взлетит на воздух, я бы точно так же думал бы об одном — прийти домой, принять душ и лечь спать.

Это было моё первое знакомство с ней.

Уже на следующий день она появилась у меня дома. Как она узнала, где я живу, я не понял, но она просто запрыгнула ко мне на балкон и уже на этот раз выбила меня из колеи. Я был в шоке. Её фигура под потолком, на которую я смотрел в прошлый раз безучастными, уставшими глазами, не произвела на меня такого впечатления, как сейчас. Она была огромная. Сидя на полу на балконе, она закрывала собой весь вид, простиравшийся из окна. Размером она была, наверное, с корову. Кое-как оправившись от шока, я стал думать, что мне делать — выбежать из квартиры, позвонить в полицию или своему домовладельцу, или же самому взять швабру или стул и попытаться выгнать её. Пока я это думал, она, точно так же как в прошлый раз, молча смотрела на меня своими совершенно ничего не выражающими глазами. Почему-то этот взгляд действовал успокаивающе. Я подумал, что, может быть, можно будет обойтись и без швабры с полицейскими. Подошёл к двери на балкон и

открыл её. Она не шелохнулась — всё так же сидела на полу и смотрела на меня. Никакой агрессии и опасности не было — я чувствовал это буквально кожей. Но самое удивительное — в воздухе не было ни намёка на то, что сейчас происходит что-то необычное и выходящее за все рамки. Обычная история — лягушка размером с корову сидит на балконе.

В общем, я пригласил её внутрь.

Мы попили чая, и она точно так же, молча и спокойно, выпрыгнула из моей квартиры через дверной проём на балкон.

После этого прошло несколько дней. Я подумал, что, наверное, будет правильным, если я наведаюсь сам к ней.

В магазине было темно и пыльно. Более того, я с самого начала почувствовал какую-то густую, буквально осязаемую неприветливость, витающую в воздухе.

Лавка старьёвщика в портовом городе. Сама фраза звучит как строчка из стихов Вертинского. В голове всплывают попугаи в клетках, картинки укиё-э с японскими красавицами, хозяин в гэта.

Конечно же, ничего этого не было.

Я находился в пластиковой, бесконечно далёкой от песен Вертинского, Японии.

В большой по японским понятиям комнате, наверное, метров десять на пять, был расставлен всевозможный и разнообразный товар. Это была лавка старьёвщика, поэтому ожидать от того, что стояло на полках, какого-либо откровения не приходилось.

Здесь были старые пылесосы, вентиляторы, кухонные наборы, чайники и чашки, какие-то помятые справочники вроде «1000 больниц Японии. 1989 год», пластмассовые игрушки и так далее.

Всё, что более-менее представляло ценность, было аккуратно завернуто в полиэтиленовую плёнку. Аккуратно — наверное, это чувство и было, но где-то лет десять назад. Сейчас же оно превратилось в насупившуюся серую занавесь, отделявшую мир вещей от мира посетителей.

Буквально на пороге стояла большая коробка с пластинками. Я огляделся и понял, что из всего того, что есть в этом магазине, для меня самое приветливое — это вот эти пластинки. Всё остальное не

видело меня, не знало, не хотело признаваться в моём существовании. Я сел на корточки и стал перебирать пластинки.

Они по большей части были записями энка-певцов и певиц в кимоно. Сколько бы я ни старался слушать этот жанр, всё никак не мог понять, почему люди, которые пишут такие красивые стихи, соглашались на то, чтобы их аранжировали такой плохой музыкой. Она исполнялась всегда одним инструментом — синтезатором. Смотря на эти пластинки, я думал, что те, кто играют на синтезаторах, пригласили своих друзей-дизайнеров, которые сделали одинаковые обложки — на странном розовом фоне, изогнувшись в S, стоит красавица лет сорока и нюхает цветок сакуры.

Среди пластинок нашлась одна знакомая мне — это была пластинка Чайковского. Почему Чайковский? Почему именно здесь, в этой коробке? Кроме «Лебединого озера» и «Щелкунчика» я совершенно не имел понятия, что ещё он написал. Мне повезло — на пластинке было «Лебединое озеро».

— Сколько стоит Чайковский?

— Что? — Хозяин немного встрепенулся, и мне показалось, что с его плеч в воздух всплыло небольшое облачко пыли.

— Сколько это стоит? — повторил я, показывая ему пластинку.

— Сто иен.

— Чайковский за сто иен.

— Да, Чайковский за сто иен. — Хозяин немного улыбнулся.

Я заплатил и вышел. Улица была жаркой и по-японски успокаивающей.

Она жила на чердаке станции. У неё там была целая комната. Она поставила в проигрыватель Ли Хукера и стала показывать мне свои другие пластинки. Это был только блюз. Я подарил ей Чайковского за сто иен. Зачем ей Чайковский? Не знаю. Но всяко лучше делиться со знакомой тебе лягушкой пластинкой, чем своим одиночеством. Чайковского она положила на стол таким движением, что я сразу понял, что в её проигрыватель он не попадёт никогда.

За окном её коморки начало темнеть. Помещение, и так не слишком светлое, становилось всё тяжелее и задумчивее. Мы сидели в шезлонгах рядом с большой коробкой, на которой стоял проигры-

ватель.

По большому счёту, ничего больше не происходило. Только вечер, мы и блюз.

С тех пор я стал навещать её всё чаще.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

В комнате нас было трое. Вся площадь пола скрывалась под широким одеялом в несвежем белом пододеяльнике. Оно казалось настолько большим и безразмерным, что, если его растянуть, оно бы наверняка смогло укрыть собой целый пассажирский самолёт. Под нами лежало даже не одеяло, а его бесконечные и некрасивые складки. Мы сидели кое-как между ними.

Вместе со мной были мой новый друг Николай и его знакомый. Мы знали друг друга всего пару месяцев, но я с самого начала видел в Николае только положительные стороны и сравнивал их со своими отрицательными. Наверное, при таком раскладе любой выиграет, любой будет сиять.

Ему было двадцать пять лет. Короткие тёмно-русые волосы, маленькие голубые глаза, прямой нос. Он постоянно смеялся. Выбор темы при этом происходил как бы автоматически, без чётких границ, как музыка, которую играет DJ в ночном клубе.

Его знакомый, в отличие от него, оказался очень тихим и временами серым человеком. Часто я знал о том, что он рядом, только по маячащему пятну на периферии зрения.

Мы приехали сюда, чтобы найти клад. Звучит интересно, но банально. Или так: банально и неинтересно. Как в компьютерных играх: если тетрис — то обязательно с русской народной музыкой и маковками на заднем плане. Если путешествие по Латинской Америке — то обязательно в поисках сокровищ: больших золотых блюд в виде солнца, крупных драгоценных камней и золотых ожерелий жрецов.

Мы сидели в нашей комнате в отеле. Николай достал книгу и начал внимательно её читать. Я заглянул внутрь и увидел, что текст был на древнеславянском. Заглавные буквы в каждом абзаце были красиво написаны красными чернилами. Похоже, это была Библия.

Николай читал внимательно. На его лбу иногда появлялись складки — должно быть, это были тяжёлые для понимания места или просто незнакомые слова на древнеславянском.

И вдруг он запел. Песня была почему-то о чём-то сиреневом. Петь о чём-то сиреневом, читая Библию, можно по-разному. Можно с улыбкой, с лёгкостью выдувать в воздух слова и мелодию — в общем, петь так, как это делали в советские времена эстрадные певцы. Он же пел с надрывом. Если продолжать сравнение с советским временем, то это будет рок-певец, поющий больше не ртом, а всем своим существом: слушающих завораживает не содержание его песен, а сам факт того, что рядом, оказывается, есть человек, который может петь такое.

Николаю, конечно, было далеко до рок-певца советских времён, но то, что он пел, почему-то цепляло не меньше.

— Ээээй, сиреневый,

— Ээээй, сиреневый.

Настало время рассказать ему то, о чём я думаю.

Я сказал:

— Николай?

Он ответил:

— Да.

Я сказал:

— Ты знаешь, мне давно хотелось рассказать тебе кое-что.

Он ответил:

— Да, конечно.

Я подсел к нему поближе. Он продолжал читать Библию, поэтому я молчал.

Он отвёл взгляд от книги, закрыл её и посмотрел на меня. Тогда я начал. По большому счёту, рассказывать ему о том, что я думаю, или о том, что я видел во сне — это одно и то же.

Мы знакомы не так давно, чтобы он что-то понял. Да и думать или спать — разницы здесь особой нет.

Я рассказал ему мой последний сон.

Я полз по пыльной и местами ржавой вентиляционной трубе, освещая себе путь экраном сотового телефона. Мне оставалось каких-то десять-двадцать метров до своей комнаты. Я старался не производить шума — и у меня получалось. Всё-таки я полз по этой трубе не первый раз.

Когда я добрался до своей комнаты — небольшого тёмного помещения два на два метра, заваленного тряпками и коробками, — я закрыл за собой люк трубы, через которую только что пролез, и замер на месте, прислушиваясь к тишине. Не заметили ли меня? Нет ли погони? Никаких звуков не доносилось. Я успокоился. Повернувшись спиной к люку, я нащупал тумблер и включил свет.

Он слушал невнимательно. Более того, он всячески демонстрировал, что ему скучно.

Чесал в ухе, рассматривал ногти, что-то искал в своих карманах.

Всё-таки он был сволочью.

Я продолжал рассказывать, смотрел на него — и где-то на самом краю своего ума вдруг чётко осознал, что всё-таки зря я приехал сюда и тем более зря я здесь с этими людьми.

Александра Разживина

А ТЕБЕ ЕЩЁ ОСТАЛОСЬ ЖДАТЬ

рассказ

Сегодня Кате Мишиной исполнилось тридцать восемь — хорошая дата, половина жизни.

Просыпались они с солнцем вместе: «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт», — говорила мама. Катя была комсомолкой и в Бога не верила, но пироги ставила с утра — вечером братьям угощение. Тесто податливо липло к рукам, умытое небо баюкало на синем животе пухлые облака, мысли толкались скучные: комната большая — шестнадцать квадратов! А пустая, голая: кровать, шкаф, стол. Убираться — нечего делать. У братьев — тесно, весело, есть Витюша и Светочка, а ей даже кошку заводить — для кого?

Радио включилось, и голос Левитана выглянул из-за плеча: «Московское время — шесть утра». На душе повеселело, хорошо, когда рядом кто-то, пусть не живой, но близкий. Если бы не приёмник — выла бы от тоски. А так — музыка, спектакли или вот новости: «Восемнадцатого марта одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года Леонов вышел в открытый космос». Кате тогда стало обидно, что не Гагарин. Юра был красивым. Когда он разбился, плакала и повесила фотографию, ту самую, где улыбается, братья лишь подсмеивались: — Ну, ты даёшь, Катерина!

Александра Разживина родилась в 1989 году в г. Пенза. В 2012 году окончила ПГПУ им. В.Г.Белинского по специальности «учитель русского языка и литературы». Финалистка литературных конкурсов «Новая фантастика» (2024) и «Пролёт фантазии» (2023). Публиковалась в журналах «Darker», «Русский динозавр», в сборнике «Путеводная звезда» («Снежный ком», 2022) и других изданиях. Рассказы также многократно публиковались в сетевом паблике «Недетские сказки». В 2020 году выступила автором сценария спектакля «Бродячая собака», поставленного творческим объединением «Nihil».

— Лучше б мужа нашла, — старший, Николай, говорил прямо, как топором рубил.

— Моего мужа, Коля, немцы убили, — Катя давно поняла: если б не война проклятая, быть ей женой и матерью.

И, наверное, дрогнуло что-то в горле, даже толстокожий Николай смутился, а уж младший, Иван, потемнел лицом, обнял, только сунул брату под нос кулак:

— Молчи!

Пирог, пышный, румяный, спрятался под полотенце, чтоб отпыхнуть. Пора на работу, благо от барака до цеха — пять минут по прямой.

Звонкие птички трели лились свободно и радостно — май! Пахло сиренью и сдобой, солнце обнимало за шею горячими ладошками.

— Привет рабочему классу!

Катерина догнала Никитку Маслова, комсорга соседней бригады, и замедлила шаг.

— Слышала новости, товарищ бригадир?

На солнце набежала тучка, Катя поёжилась:

— Что случилось-то, Никит?

— Сегодня собрание в актовом зале.

— Как же я пропустила? — она покачала головой. — Братья вечером придут.

— Вчера на комсомольской летучке говорили: после обеда всем быть. Лектор приехал, из Москвы.

Никитка так важно надувал щёки, так хитро щурил глаза, что Катерина не выдержала и расхохоталась. Он напоминал ей самого младшего братца, Серёженьку, которому никогда не исполнится двадцать, навсегда останется одиннадцать — сгоревшего за неделю от неведомой хвори. Мама тогда перестала улыбаться, спустившись в горе, как в погреб: отец, Петя, Серёжа. А было ей — всего-ничего — сорок три.

Как-то она включила передачу «В мире слов», и там сказали, что самое длинное в русском языке — слово «превысокомногорассмотрительствующий». Катерина представила человечка с надутыми щеками и в толстых очках, рассмеялась и запомнила, а потом, ночью, слушая улицу и шорох на чердаке, поняла: самое длинное слово — никогда. Самое окончательное и бесповоротное. Никогда она больше не обнимет папу, не услышит его запах: махорки и ма-

шинного масла, папа остался под Москвой в сорок первом. Никогда не пойдут они с братом Петей купаться на Талку, не станут ловить руками юрких рыбок или крабов-щелкунов, был Петя, да выкипел в котле на Курской дуге. Никогда не выщелкнется наливным яблоком её живот, плоский, как доска. Пустой останется такая большая и бестолковая грудь — не грудь, коровье вымя, одно мучение с ней, другие женщины в магазинах бельё покупают, а она шьёт сама — попробуй найди размер!

— Кать? — оказалось, Никитка всё это время что-то говорил, округляя рот, как толстолобик, а она прослушала.

— Заговорил ты меня, Маслов! Айда на проходную! — и рванула вперёд дикой кобылицей, оставляя парня в пыли и недоумении.

Зеркальные двери мягко открылись, впуская народ в прохладу фойе.

Воздух гудел живыми и железными голосами:

— Посмотрите в камеру.

— ...до вечера с ребятами в футбол гоняли!

— Пройдите в восьмой цех.

— Вчера в ЦУМе нашла платье! Креп-жоржет!

Катерина замерла перед турникетом, послушно уставилась в камеру, дождавшись вспышки, кивнула:

— Пройдите в десятый цех.

Алюминиевая рука дрогнула и поднялась, запуская внутрь.

Впереди мелькнули и исчезли овечьи кудряшки под ситцевым платком. Аллочка — самая младшая в бригаде — зайцем поскакала вперёд, забыв поздороваться. На стене распахнулся транспарант: «С НОВЫМ ГОДОМ ЖИЗНИ, ТОВАРИЩ БРИГАДИР!» Глазам стало горячо и мокро, Катя бы расплакалась, влага подбежала близко, но девчонки налетели взволнованными галками, заобнимали — слёзы обернулись смехом, развеяли мысли.

Десятый цех — самый важный на «Химмаше» — в нём делали протезы, возмещая отобранное войной. Сосед по бараку, Мишка Додонов, поседел в двадцать лет, подорвавшись на mine. Он полз третьим, поэтому повезло: первого разнесло на кусочки, второго прошило осколками, а тут — живой, правда, на три четверти.

Дома Мишка пил по-чёрному, гонял сестру и мать, колобродил. Катя долго уговаривала, он отстреливался матерной бранью, как автоматными очередями, а потом прискакал сам, опухший, красный,

но трезвый:

— Твоя взяла, Катерина. Давай, шараш мне стальную ногу вместо культи, я готов, — и потянулся к ремню, снимать штаны.

— Миш, я ж не врач, — она замахала руками, — я наладчица. Протез-то мы тебе на заводе сделаем, но надо в госпиталь, к хирургам.

Додонов сопел. Капли пота собирались на лбу и бежали от носа по щекам, как слёзы:

— Двадцать два года я прыгаю, как подстреленный воробей. Сколько раз думал: в петлю залезть, а жить хочется. Мать измучил, сестру, только самому втройне тошнее! Лягу под нож, если уж зарежут — хоть свои!

— Правильно, Михаил! Молодец, что решился!

Он виновато опустил глаза:

— Сны стали сниться. Как будто фрицы мою ногу на костре жарят и жрут, а я лежу, смотрю, какие рожи у них красные, лоснящиеся, как пламя на рогах играет, и такая злость берёт: жрите советскую сталь, черти! Глупость, да? Я ж политруком был.

Она похлопала по заскорузлой ладони с чёрными обломанными ногтями:

— Какая же это глупость? Ты ветеран, тебе положено хорошо жить, а ты себя до какого состояния довёл, сам опустил, родных вниз тянешь, живёшь как скотина, а можешь как человек.

— Спасибо! — Додонов поднялся, затряс Катину руку, — могу! Я всё могу.

И смог, научился управляться со стальной ногой, бросил пить, даже женился. Правда, не на Кате. Она не обиделась, но расстроилась немного. Жили бы, младенца качали. Всё же её муж на фронте остался. Зато к семидесятому году в цехе обещали запустить производство стальных сердец. Она первой записалась выучиться работать на новых станках, чтоб ещё больше людям помогать. Если б могла, она б и человека полностью из железа сделала — а что такого? Если уж родить не получается, зато не заболит, как Серёжа, не умрёт, как папа и Петя, не станет инвалидом, как сорвавшийся с лесов Коля, сломавший в тридцать лет спину. Колю, правда, поправили, скрепили кости стальным штифтом, но ведь теперь инвалид!

— О чём задумалась, именинница?

Катя вздрогнула и обернулась. От грохота прокатного стана заложило уши.

— Здравствуйте, Василий Иванович! — председатель профсоюза ей не нравился: маленький, кругленький, крепкий, как гриб-маслёнок, смотрел липко и всё время улыбался.

— Поздравить тебя пришёл, так сказать, пожелать счастья в личной жизни и успехов в труде! — ладони у него были розовые и неприятно мягкие.

— Спасибо! — улыбка вышла натянутой.

— Заходи ко мне, распишись за путёвку в санаторий, чаю попьём!

— Зайду как-нибудь.

Она отвернулась, спиной чувствуя: ждёт. «Чего надо, жук усатый?»

— Кать, ушёл, — Аллочка тронула за локоть. — Нравишься ты ему.

— А он мне — нет.

Сказала — как топором обрубила. Она умела хлестнуть голосом больнее хворостины: четверо младших братьев, надо, чтоб слушались беспрекословно.

Резкий сигнал перекрыл грохот железа: обед.

— Товарищ бригадир, в столовую идёшь?

— Я попозже догоню, — ей хотелось закончить с деталями.

Девчонки упорхнули говорливой стайкой: синие рабочие халаты, яркие косынки, смех. В цехе осталась Катерина и тишина, только деловито ворчал станок, штампуя.

Собрание уже началось, пришлось бежать.

— Катя!

Она залюбовалась Иваном: высокий, широкоплечий, как сам про себя говорил, приглядчивый. Он махнул рукой:

— Пошли, мы место заняли!

Мимоходом она пожалела Иванову жену: вон как стреляют глазами барышни, улыбаются, каково Вале на это смотреть? Колька попроще, меньше ростом, неказистее, да и ходит как деревянный — Клавде повезло.

— Поздравляю, сестра! — обнимали оба, как в детстве. Ей опять захотелось расплакаться.

— Приходите вечером, я пирогов напекла!

— Придём! — Николай улыбнулся. — Клавдя только не сможет, Витька приболел.

— Валь, а ты?

— А я? Чего я. В правой руке — сетка, в левой руке — Светка. Впе-

реди — пятилетний план, сзади — пьяный Иван.

Коля заржал, а Иван нахмурился, заходили желваки на кирпичных щеках.

— Товарищи, тише! — впередисидящий шикнул, не дав разгореться семейному скандалу.

Да, и у братьев не всё гладко. Сердце кольнула печаль. Почему мир их не берёт? Жили бы, детей рожали, друг друга любили. Живут, рожают, а любви маловато. Будь у неё муж, слова б против не говорила...

Гул микрофона пронёсся по душному залу, сметая шёпотки и шуршание.

— Здравствуйте, товарищи! — лектор приветственно взмахнул рукой. — Я очень рад выступить перед аудиторией рабочих «Химмашстали», одного из крупнейших в СССР заводов-миллионников. И я не буду тянуть время. Вы прекрасно знаете, какие изделия выпускаются на производстве, как важны они для народа. Сегодня у меня для вас радостная новость, точнее, я имею честь пригласить на сцену почётного гостя, ради которого мы все собрались здесь. Аплодисменты!

Раздались хлопки — скорее вежливые, чем бурные.

— Катя, а ты не знаешь, что за хрен на сцене? — Коля наклонился почти к самому уху.

Она вынырнула из омота мыслей, прищурилась.

— Вроде лицо знакомое, но не разберу. Кажется, видела в газете.

— Товарищи! — впередисидящий снова возмутился. — Это же Борис Василенко, дайте послушать!

Сцена задрожала под тяжёлыми шагами. Катерине показалось, что даже у неё внутри всё подпрыгивает и трясётся. Железный гигант помахал рукой:

— Рабочим «Химмаша» — рабочий привет! — голос с лёгкостью перекрыл удивлённый гул.

Люди сорвались с мест, теперь уже хлопая искренне.

— Коль, я вспомнила! Это преподаватель из Калининграда, они со студентами смастерили робота-андроида!

Волнение затопило зал, почти выплёскиваясь на сцену. Лектор постучал по микрофону, но безуспешно. Из президиума поднялся директор:

— Внимание! Товарищи, нужна тишина! — ликование не смол-

кало.

И тогда железный человек знакомо улыбнулся, как будто даже вздохнул — и запел:

— Век двадцатый — век больших потерь, — голос его, бархатный, мощный, как будто ласковой ладонью накрыл каждого, убаюкивая. — А тебе ещё осталось ждать ровно столько, сколько мне летать...

Он замолк, но тишина, оглушительнее шума, так и осталась стоять между рядами. А потом — грянули овации, каких не знал даже Муслим Магомаев. Катя вытерла щёки — слёзы всё же пролились из самой глубины, и не только у неё: сидящие рядом украдкой доставали платки.

— Спасибо, товарищи! Эту песню очень любил Юрий Алексеевич Гагарин, хоть посвящена она другому лётчику-испытателю, Георгию Мосолову. Я тоже лётчик, поэтому песня — мой подарок вам. Я создан, чтобы осваивать космос, но первый полёт закончился аварией, — он указал вниз.

Только сейчас Катерина заметила, что левая нога была покорёжена — сталь как будто побилло градом.

Микрофон ловко перехватил Кривошеин:

— Мы рады, что именно наш завод был выбран как, не побоюсь этого слова, санаторий для такого почётного гостя!

— Гладко стелет, — Коля покачал головой. — Начальство.

Уважением директор не пользовался, что сразу стало понятно по шуршанию и шёпоткам в зале, которые мгновенно прекратились, когда слово вновь взял калининградец:

— Год назад мы с ребятами из девятого ГПТУ собрали железного гиганта, которого привезли на выставку в Москву. Наш Нептун победил в конкурсе — и это не удивительно: он мог двигаться со скоростью до пяти километров в час, видеть с помощью тепловых датчиков, слышать специальными микрофонами и даже говорить. Весь год мы работали над новой моделью — роботом, который плечом к плечу встанет с человеком у пульта управления космическим кораблём, поднимется в небо, как Гагарин, выйдет в открытый космос, как Леонов, отправится исследовать поверхности Луны, Марса и других планет. Наш Атлант — пионер космоса! Он был готов к полёту, учтены ошибки, перепроверены данные, но старт, запланированный на апрель, пришлось отложить, а потом — аварийная посадка, и понадобился ремонт.

— И тогда я попросил товарищей инженеров назвать меня по-русски, — Атлант с лёгкостью говорил и без микрофона.

— Мы долго совещались, но решили, что настолько схожий с человеком робот имеет право выбора.

— Я выбрал имя Юра, — Кате снова почудилась улыбка на гладком лице.

Зал ответил овациями и хохотом. Самый смелый выкрикнул:

— Юра, надолго к нам?

— Как лечить будете, — робот не растерялся.

— Что тебе понравилось в городе?

— У вас очень красивые девушки.

Женская часть аудитории расцвела улыбками и румянцем.

— Юра, ты в футбол играешь?

— Мой вес — почти двести килограммов, я лучше поднимаю штангу.

Вопросы сыпались со всех сторон: серьёзные и дурашливые, простые и сложные. Атлант Юра завоевал сердца мгновенно. Беседа затянулась на два с лишним часа — расходиться не хотели.

— Товарищи! — Кривошеин постучал по микрофону. — Встреча окончена! У нас непрерывное производство! Начальники пятого, восьмого и десятого цехов, жду на совещание через десять минут. Товарищу Василенко и Юре надо отдохнуть с дороги.

— Товарищу Василенко точно не помешает поспать, а я железный, — Атлант развёл руками.

Народ снова захохотал: никто не ожидал, что робот умеет шутить.

— А что ты ешь, Юра?

— У меня есть персональный повар, техник Коля. Он следит, чтоб батареи всегда были заряжены, а подшипники смазаны.

— Как же ты купаешься?

— Никак, заржаветь боюсь. Зато могу помыть полы.

Ответом снова стал смех.

— Вы, товарищи, возвращайтесь к работе, а я вас здесь подожду, — робот замер около трибуны. — После смены приходите, поболтаем.

Народ потянулся к выходу.

— Катя, мы тогда с Ванькой часиков в шесть придём? — Коля подмигнул брату.

Катерина нахмурилась:

— Что за секреты? Вы ж до без четверти пять работаете.

— Дела, — коротко ответил Иван. — Пока!

Снова стало беспокойно: что задумали?

Конец дня растрепался перекасти-полем: мысли носились туда-сюда, не давая развернуться работе. Она, как и многие, потянулась к актовому залу, но замерла, не дойдя нескольких метров. Сквозь открытые двойные двери хорошо было видно мощную серебряную фигуру Атланта и восторженную толпу вокруг:

— Как добрый великан. И статный, как Гагарин.

— Любуешься, красавица?

Незнакомый чернявый парень улыбался дерзко и насмешливо:

— Николай Протасюк, техник-наладчик, — он протянул руку, и Катерина от неожиданности пожала её.

Ладонь была жёсткая, шершавая, кожу закололо иголками, как от тока.

— Катерина Мишина, бригадир.

— Очень приятно, — горячие пальцы невзначай погладили запястье. — Понравился тебе Атлик?

— Кто?

— Мы его Атликом называем в шутку. Уж не Юрой же.

— Техник Коля? — до Кати дошло, кто перед ней, и стало обидно за Атланта.

— Он самый, — парень опять засмеялся, сверкнули крупные белые зубы.

«Ржёт, как жеребец, а у самого — ни кожи, ни рожи», — техник едва доставал ей до уха ростом.

— Как вы говорите...

— А как? Машина и есть машина. Железная болванка. Блестит, жужжит, но попробуй не заряди — встанет. Я его ходить учил — умора! Он же сам подняться не сможет, если упадёт. Как ребёнка водил.

— Откуда вы знаете, как с детьми? — Катерина отступила на шаг.

— У меня в Луцке трое. Младшему — год. Закончится командировка — сразу к ним, соскучился! И жена заждалась. Она красивая, на вас похожа.

Катерине стало скучно и гадливо. Вот же сморчок! Про Атланта наговорил, сам женат, а вокруг неё трётся.

— До свидания, товарищ Протасюк!

Некоторое время он, подпрыгивая и вихляясь, шёл рядом, пытаясь заговорить то про одно, то про другое, шутки, как горошины, прыгали и отскакивали от стены катеринино молчания.

— До свидания, товарищ Мишина! — наконец, он отстал на проходной, но взгляд долго сверлил между лопаток.

Сиреневый дым кустился под окнами, заглядывал в стёкла — есть кто дома?

— Я пришла, — по давней домашней привычке Катя говорила вслух, так веселее.

Подмести, протереть полы — за день комната нагрелась, пришлось распахнуть обе оконные створки. Заварить чай, разогреть щи, пироги — радио просигнало, что в Москве восемнадцать часов. Катерина выглянула в окно — никого. Острая лапа царапнула сердце. С улицы донеслось возмущённое чириканье: воробьи не поделили горбушку хлеба.

— Где их носит? — чайник свистел успокаивающе, но ответа не знал.

Наконец, шарканье, сопение и скрип крыльца доложили: идут.

Катерина рванула к двери и замерла на пороге. Братья стояли, странно скрючившись, одинаково потные, покрасневшие и улыбающиеся. Позади маячила фигура — давешний кудрявый Николай держался поодаль, сунув руки в карманы модных светлых брюк.

— Спасибо, тёзка! — с чувством выдохнул Коля. — Мы без тебя чапали и чапали.

— На здоровье именинницы! — он приподнял белую шестиклинку. — Где у вас нужду можно справить?

— Вон туда иди, в конце барачных сортиры, колонка рядом, не промахнёшься.

Техник посмотрел, кивнул и пошёл, странно вихляясь, как будто пританцовывая.

— Принимай, сестра, «Рубин-401»! Куда поставить? — Иван оглядел комнату. — Давай в красный угол? Сейчас соберём, у него ноги есть.

— Ну, вы даёте! Дураки! Он денег стоит! — она смеялась и плакала, обнимала братьев, одновременно замахиваясь позабытым в руках полотенцем. — Теперь приходите семьями смотреть!

— «Радиозавод» наладил линию, новенький, с конвейера! Я у них варил кое-что в цехе, ребята подсобили, а Колька добавил рублей

и Николая нашёл. Хороший мужик, тащил с нами, а телевизор — шестьдесят пять килограммчиков весит!

— Надо же! Тяжелее меня, — Катя посмотрела на подарок с уважением: деревянный короб, выпуклая линза экрана, справа — панель переключения.

— Двенадцать каналов ловит! — Николай похлопал полированный бок.

Ужинали при свете голубого экрана:

— Телевизор цветной, но лучше видно без света, — объяснил Иван.

«Мальчишки, — Катерина смотрела, как братья едят, как низко наклоняются над тарелкой, как топорщатся стриженные затылки. — Выросли, остепенились, но не повзрослели. И будут — седые мальчишки. Я их старше не на годы — на жизнь. У них ещё всё впереди, а у меня отцвело, отболело. Значит, судьба такая».

По стенам плясали разноцветные светлячки. Диктор рассказывал, как идёт посевная в Ставрополье.

Майские синие сумерки любопытно заглядывали в распахнутые окна, лягушачий хор распевался, настраивали скрипки соловьи.

— Спасибо! — Катерина собрала два узелка: пироги племянникам — и вышла проводить братьев на крыльцо.

— Ты идёшь? — Николай оглянулся на младшего.

— Коль, вода закончилась, доедешь с флягой до колонки? Нам с Иваном пошептаться надо, — неожиданно для самой себя Катерина задержала брата, а тот поперхнулся дымом папиросы, закашлялся.

— Не вопрос, торопиться не буду, — в темноте блеснула широкая улыбка.

Иван курил, слушая ночь. Катя молчала, собираясь с духом. «Что я ему скажу? Тоже советчица выискалась! Без меня с женой не разберётся?»

— Вань, найди мне кого-нибудь, — она выпалила совсем не то, что собиралась, и явно не то, что ждал брат, снова закашлявшийся.

— Кого тебе найти?

— Не понял, что ли? Мне ведь так, чтоб ребёночек был, без женьитьбы.

— Понял. Не дурак, — хорошо, что темно, а то от таких разговоров со стыда сгоришь. — Только где я тебе найду? Объявление на доске повешу?

— Себе же находишь, — Катерина сжала кулаки для храбрости, ногти остро впились в мякоть ладони.

— Знаешь что? — брат вспыхнул.

— Знаю, Вань, знаю. На чужой роток не накинешь платок. Я не осуждаю, семья твоя, решать тебе. Прошу только — помоги. Зарплата у меня хорошая, здоровье есть, я подниму, ты только найди мне кого.

Низко над горизонтом висел месяц, качал осуждающе рогатой головой: что на земле творится — стыдоба!

— Пойду я, Кать, поздно.

— Иди.

— Я тебе ничего не обещал!

— Колю поторопи, ещё посуду мыть.

В комнате бормотал телевизор. Катя плакала, а ветер ласково целовал холодными губами мокрые щёки: «Всё наладится!»

— Ничего уже не наладится! Тридцать восемь! Точка!

Она вернулась в дом, зажгла электричество. Брат затащил бочку и убежал — дома ждут.

На столе громоздились тарелки, и улыбался с фотографии Гагарин. Тяжёлое опустошение плескалось внутри, как грязная вода. Машинально убирала, мыла, расчёсывалась, а слёзы текли и текли.

За окном мелькнула и исчезла тень человека. Катерина не успела испугаться, а потом махнула рукой: кому она нужна?

Легла уже поздно, почти в одиннадцать, думала — не заснёт, но провалилась, как в омут, в картины минувшего дня: розовый рассвет, розовый Никитка Маслов, стальной прокатный стан, стальной человек, цветной телевизор.

Проснулась она мгновенно, села в кровати, как и не спала:

— Кто здесь?

Тяжёлые шаги, высокий силуэт отликает серебром у распахнутого окна:

— Ждала меня, красавица?

Лица мужчины не было видно, но улыбка чувствовалась в голосе — знакомая до боли. Катерина ответила сердцем:

— Всю жизнь.

Твёрдое горячее тело едва уместилось рядом в кровати, от поцелуев кружилась голова, и перед глазами плыл цветной дурман. Жадные руки ласкали, гладили, скользили там, где она сама стеснялась

себя трогать.

— Не бойся, — распахнутые близко-близко глаза смеялись, а дыхание обдавало жаром.

«Не боюсь», — хотела сказать, но не смогла, уплывая куда-то, наверное, на небо.

Солнце светило неистово, облизывая щёки жёлтым языком. Катерина зажмурилась, закрыла глаза рукой:

— Куда ночь — туда и сон! — вспоминать такое было стыдно.

Тёплые квадраты вольготно разлеглись на голой груди. Она охнула, вцепилась зубами в руку: скомканная рубашка валялась в ногах. Не сон!

День пролетел в тумане воспоминаний: было? Не было? Кто он? Девчонки с удивлением разглядывали, как Катерина роняет детали, как безвольно смотрит в пустоту, забыв включить станок.

— Катя, пойдёшь с нами в актовый зал? — Аллочка вынырнула из-под локтя.

— А что там?

— Не что, а кто. Робот! Пошли! Вчера намотчицы ходили, он такие шутки отмачивал — обхохочешься!

Катерина дала себя увлечь. Ей было безразлично, куда идти, что делать, подробности ночи всплывали перед глазами, обдавая то стыдом, то радостью.

— Привет, красавицы! — она вздрогнула и уставилась во все глаза на Атланта.

Те же слова! Те же интонации!

— Здравствуй, Юра, — Аллочка, как самая смелая, пожала стальную руку. — Какой ты сильный!

Катерина подошла почти вплотную, провела пальцами по груди:

— Холодный.

— Так никто не греет, — и подмигнул.

Девушки засмеялись. На плечах робота — рубиновые звёзды-погоны сияли и переливались.

— А почему всего одна? — спросил кто-то.

— Одна, зато какая! — Атлант вытянулся.

— Юра, а ты кино смотришь?

— Смотрю!

— И какое?

— Про любовь, конечно! «Три тополя на Плющихе» очень нра-

вится.

Катерина вышла, не оглядываясь. «Не может быть», — удостоверялась она и до вечера едва дотянула, измучившись ожиданием. Электронное табло мигало насмешливо-зелёным, но цифры прилипли намертво. Наконец, прозвенел сигнал — рабочий день окончен.

На проходной столкнулись с Вале́й, поздоровались, пошли рядом, но разговор не клеился — невестка держалась отстранённо, не роднилась, Катя тоже.

— Как Светочка? — племянницу она любила. — Приходите в гости, телевизор посмотрим!

— Сегодня готовить надо, на выходных стирать, Иван робу принесёт на целый день. Светка спрашивала, когда можно к тётке с ночёвкой.

Катя даже испугалась:

— Я в субботу буду окна мыть.

Валя отвернулась. Вот и поговорили. Разошлись недовольные друг другом. Катя почувствовала обиду, но что ей теперь — не жить? А если гость?

Оглушительно надрывались соловьи. Луна выбелила свежeweмытый пол. Охнули половицы — пришёл.

— Ждала?

— Ждала, — она обняла за шею, пытаясь надышаться новым и уже родным запахом.

Руки сжали почти больно, как стальные обручи, Катерина охнула и подалась вперёд. Она плавилась кусочком сливочного масла на раскалённой сковороде, внутри всё сжалось, запульсировало и взорвалось.

— Какая у тебя грудь, — пальцы ласкали податливую плоть, слишком тёмные на молочно-белой коже.

— Большая?

— Красивая, — язык заскользил, оставляя влажный след, заставляя выгибаться дугой.

— Я потная, солёная!

— Бабий пот, как мёд, — останавливаться он не стал.

Неделю Катерина жила не свою жизнь, наблюдая со стороны, как почти пожилая уже женщина мечется, горит последним жаром. Она молчала невпопад и смеялась, где не смешно.

— Катерина, ты, часом, не заболела? — брат Николай подсел в столовой.

Ложка выпала из рук, пришлось нагнуться и искать.

— Щёки красные, глаза лихорадочные. Отлежаться тебе три дня, как в армии? И витамина це побольше: сальце, яйцо и маслице.

Смех получился слишком высоким, неестественным. Брат нахмурился, посмотрел пристально:

— Случилось что?

— Всё хорошо, Коль.

И всё действительно было хорошо — каждую ночь.

— Кто ты? — спрашивала она.

— А чья карточка на столе?

— Гагарина.

— Я — Гагарин.

— Смеёшься надо мной?

Поцелуй прерывал допрос, но, отдышавшись, она спрашивала снова и снова:

— А почему раньше не пришёл?

— Я летал.

— Где?

— От звезды к звезде.

— И как там?

— Красиво, но одиноко. Там не было тебя.

— А Бога видел?

— Зачем мне Бог, если есть ты?

Среда. Четверг. Пятница. Суббота. Воскресенье. Понедельник. Как будто кто-то отщёлкивал дни на счётах — точнее, ночи, проведённые вместе.

— Почему не приходишь днём?

— Нельзя. Я тебе не нравлюсь.

— Ты мне нравишься!

— Увидишь меня — и спрячешься, как в том фильме.

— В каком?

— Там героиня на тебя похожа, такая же красивая — «Три тополя на Плющихе».

— Где я и где она?

— Ты — со мной, — и снова жар поцелуев, руки, губы, скользящие по коже.

Во вторник Катерина проспала, подскочила за двадцать минут до начала смены, помчалась на проходную, влетев вместе со вторым звонком.

— Вылечили! — Аллочка подбежала, почти повисла на шее, но Катерина отступила.

— Ты о чём?

— Юру вылечили. Сегодня в обед — торжественный митинг, уезжают они. Пойдёшь?

— Пойду, куда деваться, — интерес растаял давно, но не скажешь же.

Актовый зал набился битком. Хорошо, что братья оставили место.

— Здравствуйте, товарищи! — сегодня выступление начал Кривошеин.

Рядом протокольно улыбались Василенко, какое-то начальство из администрации, дружелюбной глыбой поблёскивал Атлант.

— Смотри, — шепнул Иван, — кто-то у него звезду увёл. На память, наверное.

Рубиновая искра горела только на правом плече, левое опустело.

— Ну, народ! Находчивый! — и рассмеялись оба.

Долго награждали причастных, зачитывали по бумажке одинаковые речи. Глаза слипались — бессонные ночи давали о себе знать.

— Катерина, ты что? — она задремала на братнином плече. — Точно заболела!

— Сплю плохо, Коль.

— Телевизор ночами смотришь? — съязвила Валя.

— Да. А что мне ещё делать? — ответ дался спокойно. — Ни мужа, ни детей.

— Я бы тоже посмотрела, — невестка не успокаивалась.

Вокруг зашикали. Слово взял Атлант:

— Спасибо, дорогие товарищи! Я навсегда запомню ваш город, вашу помощь, прекрасных людей и красивых девушек!

— Приезжай к нам ещё, Юра, — женим! — какой-то балагур вмешался в официальную речь, послышались смешки.

— Как только, так сразу! — робот взмахнул рукой. — А сейчас — поехали!

Овации стали ответом на такой знакомый жест.

— Может, отпустят пораньше? Всё равно у них банкет, — размеч-

тался Иван.

— У них банкет, а у тебя — пятилетка в три года, — хмыкнул Николай. — Что-то я техника Колю не видел на сцене.

— Его не зовут — рожей не вышел. Точнее, ногой, которую Атлик раздавил, — Иван сплюнул.

— Откуда знаешь?

— Сам и сказал, в литейке столкнулись. Мол, учил робота ходить, тот ошибся и раздробил ступню. А вот и он!

Протасюк стоял в стороне, по лицу бродила кривая ухмылочка. Он картинно махал кепкой, но не шёл.

— Идите, — Иван приостановился. — Я догоню.

— Вань, ты чего? — Валя крепко ухватила мужнин локоть, но тот лишь повёл плечом — она едва не упала.

— Покурю с товарищем. Иди!

— Хорошо, что уезжает. Неприятный он какой-то. О чём им разговаривать? — невольно Катя оглянулась, успев заметить бумажник в руках Ивана. — Неужели этот займы брал? На выпивку, наверное!

Иван догнал уже на территории — дальше каждому в свой цех.

Дома Катерина замерла на пороге, ноги отказали, она привалилась к косяку: на столе перед фотографией Гагарина одиноко мерцала рубиновая звёздочка.

А через девять месяцев Катю забирали из роддома. Николай только получил новенький «Запорожец», положенный инвалиду первой группы, сиял и гордился, баюкая крошечный коричневый свёрток с розовой лентой — племянницу.

— Как назовёшь? — он отогнул кружево, рассматривая вздёрнутый носик и кольца волосиков. — Рыжая! В Мишиных!

— Майя Юрьевна, — улыбнулась Катерина. — Моя Маечка.

— Садись скорее, — Клавдя, тоже беременная, перекрикивала злую февральскую метель. — Грудь застудишь!

— А где все?

— Иван с семьёй у тебя дома, стол накрыли, ждут. Поехали!

Серик Мейржанов

ГОХА И МАЙНЫ

рассказ

Из-за высоких гор, из зловещей страны Афган прилетели в город огромные стаи чёрных птиц — майн. Майны нападали на местных птиц, отгоняли их от мест кормёжек, выслеживали гнёзда, сильными когтями разрывали птенцов и разбивали яйца.

Первыми в городе пропали воробьи. Небольшие пернатые не смогли сопротивляться свирепому чёрному воинству. Затем улетели синицы, дрозды. Соловьи какое-то время пытались распевать свои предутренние песни, но майны слетались на звуки и прогоняли птиц. Через год после нашествия в городе можно было услышать только издаваемое майнами карканье, похожее на скрип старой телеги. Майны были похожи на крыс с крыльями, они быстро размножались, постоянно дрались на помойках и загаживали городские улицы. Странно, но поведение птиц, как наваждение, перешло на многих людей. Горожане часто ссорились, кричали друг на друга, участились случаи воровства и всякого жульничества.

Настроение жителей несколько спасали кошки. Женщины обожали домашних кошек: их купали в ароматических ваннах, кормили кормом с витаминами, постоянно с ними ласкались и сюсюкались. С кошками ходили в гости, делали семейные фотографии, гордились их породой и красивым видом. В некоторых семьях животные успешно заменяли мужей и детей. Домашние коты давно не охотились на мышей, но свой природный инстинкт развивали на воробьях. Часто можно было видеть затаившуюся кошку, выслеживающую стайку щебечущих пичуг. Охотник долго выжидал, успокаивая птичек, потом резко прыгал в сторону добычи. Воробьи с шумом и

Серик Мейржанов — писатель, автор романа «Приключения в стране Тайпин» (Алматы, 2021). Выпускник курсов Ильи Одегова «Литпрактикум». Родился и вырос в городе Алматы в 1958 году.

щебетом разлетались, а довольный охотой «хищник» возвращался домой. Так кошки сохраняли свой физический тонус. Без воробьёв кошки лишились любимого упражнения. Они стали жиреть, исчез блеск в глазах, шерсть стала облазить, пропадала природная упругость мышц животного. Хозяйки домашних любимцев погрузились в тревожное состояние.

Аграфена Палладьевна, директор магазина «Охотник и рыбовод», была не в духе. Породистый кот, огромный мейн-кун, перестал бегать по подружкам, второй день не жрёт, паразит, спрятался и целыми сутками сидит в тёмном углу дома. Аграфена знала причину депрессии своего кота — для этого достаточно было выйти на крыльцо. Улицы города были заполнены стаями чёрных майн, которые извели всех птиц и проходу не давали кошкам. Да что коты — большой хозяйский алабай носу не кажет на улицу. Любую собаку или кошку окружали крикливые майны, глушили истошными криками, клевали в глаза, щипали когтями. Аграфена по собственной инициативе продавала подешевле местным охотникам патроны с мелкой дробью для отстрела нахальных птиц. Но майн меньше не становилось. Аграфена женщиной была деятельной, соображала хорошо и вспомнила одну историю.

Её двоюродная сестра была замужем за казахом — зятя звали Ерболат. У зятя имелся старший брат — участник войны, этим они сильно гордились. Работал этот старший брат каким-то мелким начальником, обладал скверным характером и, по слухам, тиранил собственную семью. Как-то, на майские праздники, пригласила Аграфена в гости двоюродную сестру с роднёй, и они захватили с собой семью деверя. Аграфена умела и любила принимать гостей: стол был заставлен закусками, свежими салатами, запивали знаменитой домашней «урюковкой» — самогоном из местного абрикоса. Когда застолье перешло в стадию всеобщей любви и признательности, Аграфена вышла во двор.

Дети, пришедшие с гостями, быстро сдружились с хозяйскими и шумной компанией умчались поиграть на улицу. Но один мальчишка из пришедших в гости остался во дворе. Аграфена присела на лавочку, закурила и от нечего делать стала наблюдать за ребёнком.

Мальчик подошёл к большому чёрному ворону, высматривающему насекомых в траве, и кинул ему кусочек хлеба. Ворон не стал брать хлеб, а резко наклонил голову вбок, рассматривая мальчика

одним глазом, и... Аграфена могла поклясться, что ворон что-то произнёс, а мальчик ответил. Чёрная птица раскрывала клюв, но не каркала, а издавала курлыкающие низкие звуки, похожие на голубиное воркование. А мальчик поддерживал беседу.

Ворон: — Где мои угощения, человечек?

Мальчик: — Какие ещё угощения?

Ворон: — В доме казахи гуляют. Кусочки қарта, қазы. Сыбаға¹ ғой!

Мальчик убежал в дом и через несколько минут вернулся. Ворон терпеливо выжидал. В руках у мальчишки был кусок жирной конской колбасы — қазы. Он оторвал от шматка кусок с жиром, аккуратно положил перед вороном и отошёл. Ворон склевал угощение, слегка расправил крылья и будто оделся в королевский плащ. Мальчик в ответ поклонился птице. Довольный ворон сделал несколько шагов в сторону, резко взмахнул крыльями и взмыл вверх.

Изумлённая Аграфена не верила своим глазам. Она видела, что мальчик вроде бы говорил с птицей, но слов не слышала, да и поверить этому не могла. Женщина вытащила вторую сигарету. Через какое-то время ворон вернулся. Он подлетел к поджидающему его мальчишке. В клюве птица держала круглый предмет. Мальчик сидел на корточках, ворон положил ему в ладошку шарик и улетел. Заинтригованная Аграфена потушила сигарету и подошла к ребёнку.

— Привет, тебя как зовут?

— Гоха, — ответил мальчик.

— А меня — тётя Фена.

Аграфена присела, взглянула мальчику в глаза и спросила:

— Ты что, сейчас с вороной разговаривал?

Мальчик отступил на шаг от женщины и, похоже, обиделся за своего собеседника.

— Не с вороной, а с Вороном, который блестит как обсидиан. Ворон — страж тайн и посланник судьбы.

— И какие же тайны охраняет твой ворон?

Мальчик отступил ещё на один шаг от женщины. Он явно не хотел продолжать разговор.

— Ворон — хранитель древних знаний, которые не каждому дано знать. Кстати, он угостил меня орехами.

¹ Деликатес из мяса для почётных гостей (каз.)

Гоха залез в карман штанов и высыпал в ладонь Аграфены горсть орехов. После чего мальчишка повернулся и убежал. Аграфена осталась стоять во дворе и всё пересчитывала орехи в своей ладони: их было пять штук. Только что женщина ясно видела, что Ворон принёс мальчишке всего один орех. Да и в клюве птица могла удержать только один предмет, но орехов было пять. Орехи были необычные.

В восьмидесятые годы ореховые деревья в окрестностях Алма-Аты не приживались из-за зимних морозов. И горожане покупали орехи к столу на базаре — их привозили из соседнего Узбекистана. Узбекские орехи были крупные, с толстой скорлупой. Гохины же были меньше в диаметре, светлее по цвету и с более тонкой скорлупой. Аграфена сжала ладонь — послышался треск. Приятель Аграфены, лесничий Алматинского заповедника, рассказывал, что в горах, в некоторых впадинах горных ущелий зимой бывает гораздо теплее, чем на вершинах. И там растут ореховые деревья, и вызревают их плоды. И орехи в руках женщины были наверняка именно оттуда — из потаённых горных рощиц.

Вспомнив, что племянник умеет договариваться с птицами, Аграфена уже через час вела маленького родственника в кафе для серьёзного разговора. Кафе «Акку» в городе было одним из редких мест, где можно было посидеть за разговором и полакомиться мороженым. Открытая площадка со столиками находилась рядом с бассейном, где плавали живые лебеди. В бассейне был построен небольшой островок, там лебеди жили и кормились. На острове и по берегу росли раскидистые плакучие ивы.

Тётка с племянником подошли к буфетной стойке и заказали мороженое, чайный напиток для мальчика и чашку кофе для взрослого. Гоха впервые был в кафе, всё ему очень нравилось, особенно мороженое. Три шарика подали в красивой металлической вазочке. Мороженое было сливочное, очень вкусное, совсем не то, что в брикете по девять копеек. Гоха был в восторге. Аграфена закурила и сквозь дымок сигареты разглядывала мальчишку, оценивая, стоит ли обращаться к нему с просьбой. На вид мальчику было лет двенадцать: очень худой, лопатки на спине торчали, словно крылья. Ногти давно не стрижены, с каёмкой грязи по краям, одежда заношенная. Но в глазах был живой блеск, двигался он энергично, а на лице играла хитрая улыбка.

Сидящие близ бассейна посетители кафе бросали в воду кусочки

хлеба, подкармливая лебедя. Красивая белая птица грациозно принимала угощение. Неожиданно на лебедя налетели несколько майн. Пикируя с высоты, угрожающе щёлкая острыми клювами и громко каркая, они быстро отогнали лебедя и принялись подбирать остатки хлеба с поверхности воды. Люди возмущённо закричали, кто-то махал руками, пытаясь отогнать наглых пернатых. Но крылатые разбойники не обращали на это внимания.

Тут раздался резкий и громкий свист, Аграфена даже вздрогнула от неожиданности. Звук был настолько резкий и плотный, что женщина почувствовала, будто невидимый палец провёл линию по коже лица. Сидевший напротив неё Гоха вскочил со стула, зажал два пальца во рту и громко, лихо свистел. Майны были оглушены пронзительным свистом, их словно вихрем закрутило в стремительную воронку из воздуха и выбросило высоко в небо.

Оглушённая свистом и, главное, — увиденной расправой над майнами, Аграфена отпила большой глоток кофе и немного успокоилась. Аграфена была прозорливым человеком, и сама гадала на кофейной гуще. Теперь она не сомневалась в способностях мальчишки и начала серьёзный разговор.

— Гоха, помоги мне. Да что мне — помоги всему городу. Прогони противных майн.

Мальчик пожал плечами:

— Как? Я не смогу это сделать.

— Ты только что вышвырнул в небо нахальных птиц.

— Тётя Фена, я отогнал всего трёх птичек. Чтобы очистить от майн огромный город, нужно тысяча таких свистунов, как я. Пусть взрослые это делают, пусть стреляют по майнам из ружей.

Аграфена придвинулась к мальчишке:

— Да мы уже всё перепробовали: отстреливали, яд в корме разбрасывали. Не помогает, слишком много их развелось.

Аграфена под села ещё ближе:

— Я видела, что ты понимаешь птиц. А они слышат тебя. Ты единственный, кто может изгнать их.

Гоха, в свою очередь, наоборот, отодвинулся от тётки.

— Я не знаю, как это сделать.

Сотрудничества не получалось. Тогда Аграфена схватила столовый нож с соседнего столика и резанула свою левую ладонь. «Господи, лишь бы нож был тупой», — про себя взмолилась Аграфена.

Нож оставил на ладони лишь кровоточащую царапину. Несколько капель крови упали в вазочку с мороженым. Аграфена своей сумасшедшей выходкой добилась своего — Гоха очень испугался и впал в ступор. Он съёжился на стуле, а внутри глаз словно задёрнули серые шторы.

Аграфена встала напротив племянника, взяла его за руки и, не отрывая взгляда от его глаз, говорила:

— Гоха, я очень, очень нуждаюсь в твоей помощи. Помоги мне! Прогони противных майн из города!

Тёткин голос становился всё пронзительнее и жалостливее и проникал всё дальше в голову мальчика. И тут на Гоху накатило: он словно попал в другой мир. Миллионы запахов разом обрушились на него — резких, сладких, опасных, тревожных и огромных. Ему приходилось протискиваться, как во сне, через незнакомую комнату, забитую старинной, уродливой мебелью. Это длилось какой-то миг. Он открыл глаза и уже знал, что делать. Гоха сказал:

— Мне нужно сто килограммов чистой меди.

Аграфена незаметно отвернулась и перекрестилась.

— Господи, а медь-то зачем?

Гоха ответил:

— Тётя Фена, мне нужна чистая катодная медь.

Делать нечего — надо искать металл. На этом распрощались. Уже дома из старой тумбочки она вытащила записную книжку и нашла номер телефона старика Базарбая. Базарбай, давнишний приятель, был темірші — мастер по металлам: умел и железные ворота склепать, и кольцо золотое изготовить.

Глуховатый старик долго не отвечал, а когда взял трубку, не мог понять, зачем Аграфене почти центнер меди. Когда Аграфена растолковала свою просьбу, он проникся — несносные птицы достали всех. Базарбай ответил:

— Надо бы тебе помочь, но сейчас у скупщиков лома много меди нет. Китайцы всё вывезли.

— Базарбай, я за ценой не постою!

— Не нужны твои деньги. Ты ответь — самогонку из урюка ещё гонишь?

У Аграфены отлегло от сердца:

— Да, найду для тебя.

— Литр выставишь?

— Найду для тебя.

— Договорились, — Базарбай помолчал. — Кабель медный воровать надо. В горах, на Каменском плато, возле старого госпиталя кабель силовой меняют. Ночью туда поедем. Жди — ночью приеду.

Глубокой ночью подъехала к дому старая «Газель», за рулём сидел молодой парень лихого вида. Аграфена вышла к машине, держа за руку озябшего от ночного ветерка Гоху. Ручным фонариком она осветила кабину машины. Водитель в упор смотрел на женщину, свет отразился от его металлических фикс на зубах. Водитель сказал:

— Базарбай велел забрать четыре бутылки самогона.

Аграфена тихонько ругнулась: «Старый пройдоха только литр просил», — но спорить не стала и передала четыре бутылки. Водитель обернул бутылки каким-то тряпьем и сложил в китайскую полосатую сумку. Представился:

— Меня Витёк зовут.

Аграфена помогла Гохе забраться в кабину. Витёк оглядел его и спросил:

— А пацан зачем поедет?

Аграфена ответила:

— Передай Базарбаю, чтобы слушал мальчишку. Он будет помощником во всех делах.

Витёк согласно кивнул головой:

— Ну, садись, подельник. А, чуть не забыл — хозяйка, Базарбай просил острый топор у тебя взять.

Ехали долго, старый мотор натужно подвывал на крутых подъёмах. Подъехали к заброшенному зданию госпиталя. Возле свежерытой канавы на деревянной бобине из-под кабеля сидел и курил папиросу старик Базарбай. На голове у Базарбая была надета казахская шапка — бобрик с опушкой из волчьего меха, которую он носил круглый год.

На дне канавы лежал старый силовой кабель, похожий на толстую змею. Витёк подал топор Гохе и сказал:

— Прыгай в ров и руби кабель, потом отмеришь десять шагов и снова переруби. Кабель толстый, многожильный — металла хватит.

Гоха взял топор и посмотрел на старика — тот согласно кивнул головой.

Гоха спрыгнул в канаву. Витёк отошёл подальше. Гоха рубанул

топором по толстой жиле и неожиданно легко перерубил. Потом отсчитал десять шагов и рубанул ещё раз. Витёк помог Гохе выбраться из ямы и сказал:

— Ты везунчик. Если бы в кабеле было напряжение, от тебя даже туфлей бы не осталось.

Втроём еле погрузили тяжёлый провод в кузов «Газели», уселись в кабину и поехали.

Ехали долго — в район нижнего Тастака, на старый базар. Долго плутали по узким улочкам старого района. Базар был большим и находился в жилых кварталах. В одноэтажных домиках местные жители проживали и здесь же торговали в основном китайским ширпотребом. Ехали по известным только Витьку переулкам, и за очередным поворотом в глаза ударил яркий свет. Фары полицейской легковушки ослепили.

— Пипец, — сказал Витёк и резко нажал на тормоза.

Один из полицейских медленно пошёл к «Газели», кобура для пистолета на его ремне была расстёгнута. Навстречу патрульному вышел Гоха. Полицейский в звании старшины, разглядев, что приближается мальчишка, расслабился.

— Ассалаумағалейкум, ағалар!²

Полицейский осветил фонарём лицо мальчишки:

— Кімсіңдер? Деп сұрады.

— Біз туыстарымыздан келеміз. Кабинада атам мен шофер отыр.

— Кайдан келесіңдер, мәшінеде не бар?

— Нарынкол жақтан, Сарыжаздың албанымыз. Мәшінеде атамның май-шүйде заттарынан басқа ештеңе жоқ. Қаладағы баласының үйіне көшіп бара жатыр.

— Өй, мен де албанмын, інім екенсің ғой.³

² — Мир вам, братья! (араб./каз.)

³ — Кто такие?

— Мы от родственников едем. В кабине мой дедушка и шофёр.

— Откуда едете, что в машине везёте?

— Едем издалека, из Нарынкольского района, села Сарыжаз. Местные албаны, мы. В кузове вещи из дедушкиного дома, перевозим дедушку к сыну на городскую квартиру.

— Ну если так, ты братишка мой, я тоже из рода албан. (каз.)

— Бәсе, менің әжем айтатын еді, албанның жігіттері батыр Райымбек бабасына тартып мықты болады, деп. Сіз де сондай екенсіз ғой. Түнде қорықпай жолда тұрсыз.⁴

Полицейский слегка улыбнулся нехитрой лести.

— Көке, біз асығыс едік, жылдамдықты асырып жібердік пе? Мен онда шофер ағайға айтайын, абайлап айдасын. Рұқсат етсеңіз жүре берсек бола ма?⁵

Полицейский выключил ручной фонарь и махнул рукой — поезжайте.

Витёк, едва дождавшись Гоху, тронулся с места. Дальше остановок не было. Подъехали к небольшой вросшей в землю избушке, Витёк вышел, открыл ворота. Въехали в неожиданно широкий двор. Кругом были разбросаны кучи металла, кузов перевернутого «Мерседеса», чушки от чугунного забора, сломанная бетономешалка.

Острыми ножами быстро срезали обмотку с кабеля — обнажились медные провода. Витёк ножницами по металлу нарезал провода на небольшие куски. Сложили куски меди в стальную ёмкость, и Базарбай газовым резаком принялся нагревать металл. Через несколько часов медный провод был переплавлен в аккуратные чушки.

За это время Витёк с Гохой растопили небольшой кузнечный горн. Гоха растолковал подельникам, что надо изготовить два медных котла. Нагрели медные чушки и тремя молотками принялись отбивать металл. К вечеру котлы были готовы. Базарбай аккуратно снял с заднего сиденья разбитого «Мерседеса» обивку из бычьей кожи и натянул её на открытую сторону изготовленных котлов. Получились отличные барабаны. Гоха ударил в барабан — звук был яркий, раскатистый. Будто в такт барабанному звуку слышался раскат грома.

Погода портилась, поднимался ветер. С запада, из Каскеленского ущелья, несло на город огромную чёрную тучу. Мужчины погрузили барабаны в кузов «Газели» и поехали в верхнюю часть города, на

⁴ — Вот как, мне бабушка рассказывала, что все мужчины из албанского рода сильные и бесстрашные, как их знаменитый предок Райымбек-батыр. (каз.)

⁵ — Брат, мы издалека едем, устали. Если шофёр превысил скорость, или что-то нарушил, я предупрежу его чтобы был внимательнее. Разрешите нам ехать дальше. (каз.)

улицу Сатпаева. Начался дождь, сильный ветер хлестал по лобовому стеклу автомобиля, мешал обзору. Крупные ветви обламывало с деревьев и швыряло на дорогу, в воздухе летали части сорванных крыш. Вода по заасфальтированной улице мчалась широким потоком, легковые авто «поплыли». Старая «Газель», захлёбываясь в потоке, всё-таки ехала.

Через час подъехали к двум 25-этажным башням «Almaty Towers». Гоха и Витёк вытащили из кузова тяжёлые барабаны и с чёрного хода по пожарной лестнице двинулись на крышу здания. Потные и усталые, с барабанами на плечах, вышли на площадку крыши высоты. В городе бушевал буран, ветер валил старые деревья, бурные потоки воды сносили остановки и полицейские будки, непрерывно блестели сполохи от молний и гремел гром.

Гоха и Витёк ударили в барабаны — гулкие звуки совпали по ритму с раскатами грома. Но ничего не происходило. И тогда, зажав два пальца во рту, по-разбойничьи засвистел старик Базарбай. В унисон ему, словно подчиняясь древнему зову, засвистел мальчик Гоха. Звуки совместного свиста усиливали друг друга и вместе с барабанным боем создавали вибрацию, которая пробиралась под кожу, причиняя почти физическую боль.

Невыносимо зануло в ушных перепонках. От оглушительного свиста и грохота барабанов воздух задрожал. Потом ночная тьма зашевелилась — и с криками из укрытий полетели майны. Они металась, ударялись о стены, запутывались в проводах и в ветвях деревьев, кружа в безумии. Их глаза горели жёлтым пламенем, крылья разрывались в клочья. Ветер усилился. Он взвился вверх и подхватил стаю, закрутил тысячи чёрных птиц в гигантскую воронку. Воронка поднялась над городом, разрастаясь в небе всё шире и шире, а потом пропала где-то в грозовом фронте.

Светлана Костина

ЗАМУЖ ЗА ТУЗИКОВА

рассказ

— Дура ты, — говорила ей мать, — всё ждёшь какого-то принца на белом коне. Ну, жди-жди до старости, а потом поздно будет.

— Наташка, ты совсем в девках засиделась, замуж пора, — советовала старшая сестра, сменившая уже нескольких мужей.

— Я в твои годы уже двоих детей родила, — напирала бабушка.

Наташе надоело. Она пришла к другу детства Лёхе Дроботенко.

— Лёха, ты жениться хочешь?

— Ну, не знаю, смотря на ком, — Лёха стоял на табуретке в дра- ном трико и выкручивал перегоревшую лампочку.

— А хоть на мне.

— На тебе? — Лёха без улыбки осмотрел Наташу. — Нет, на тебе вряд ли.

— Это ещё почему? Что во мне не так?

— Да всё так, просто ты для меня... Как бы это... Ну, как бесполое существо.

— Чего-о?

— А чего? Ты мне друг с детства, я тебя как женщину не воспринимаю. И вообще, зачем мне жениться на тебе? Тогда я друга потеряю.

— Мда, — вздохнула Наташа. — И то верно.

— А что случилось-то?

— Да так, замуж что-то захотелось...

Лёха ловко спрыгнул с табуретки.

Светлана Костина родилась 9 сентября 1982 года в селе Майма. В 2006 году окончила Горно-Алтайский государственный университет по специальности «Филолог-преподаватель». 18 лет работает в средствах массовой информации. Член Союза журналистов России. С детства пишет стихи и прозу. Печаталась в литературных журналах: «Алтай», «Пролог», «Пикет», в «Литературной газете», «Начало века». Стихи и проза Светланы Костиной публиковались в коллективных сборниках. В 2010 году вышла её книга стихов и рассказов «Заветное».

— Не переживай, устроим. Есть у меня один холостой товарищ на примете.

— А он симпатичный?

— Спрашиваешь. Орёл!

Орла звали Андрей Тузиков. «Нет, не хочу я себе такую фамилию», — сразу подумала Наташа.

Они встретились в кафе «Вернисаж». Здесь было накурено и жарко. Лёха, выдумав предлог, ушёл куда-то. Тузиков оказался скромным и застенчивым, почти всё время молчал, попивая сок из трубочки. У него были младенчески розовые щёчки и смешно приплюснутый нос, на кончик которого всё время съезжали очки. «И где он его нашёл!?» — злилась Наташа на Дроботенко.

Лёха больше так и не появился. Тузиков пошёл провожать девушку. Он всё молчал, этот Тузиков.

Возле подъезда Наташа наконец-то услышала его голос:

— Алексей сказал мне, что вы хотели бы замуж...

«Ну, Дроботенко! Ну, гад!» — пронеслось у неё в голове.

— Я, конечно, не могу и мечтать, но это было бы такое счастье, если бы мы могли, ну...

— А не слишком ли рано? Ведь мы знакомы лишь один вечер.

— Я буду ждать сколько угодно! — неожиданно громко крикнул Тузиков уже растаявшей в дверях подъезда Наташе.

Сначала зуб тихонько так ныл, а потом стал болеть совершенно невыносимо. Никакие припарки не помогали. Пришлось собрать волю в кулак и идти к зубному.

Врачей-стоматологов Наташа с детства боялась как огня. Хотя нет — огня она боялась меньше.

— Проходите! — услышала она из кабинета.

Сердце так и ёкнуло. Девушка вошла в белое помещение. Первое, что бросилось в глаза, — какие-то страшные машинки со свёрлами.

«Сейчас будут пытаться», — подумала Наташа, располагаясь в кресле.

Прежде чем заглянуть ей в рот, врач в белой повязке на лице внимательно посмотрел на девушку. Взгляд у него был строгий.

— Открывайте рот.

— А-а.

— Шире!

— А-А-А!

В его руках что-то блеснуло холодным металлом.

— О!..

— Т-а-а-к. За зубами, значит, не следим. Кариес, значит, разводим!

— Оо! — отвечала Наташа.

Движения стоматолога были профессионально точны, голос — жесток.

— А тут у нас что? Периодонтит. Эко запустили... Так болит?

— А-а!

— Терпите!

В дверь постучали. Появилась медсестра.

— Доктор, там...

— Потом! Вы видите, я работаю! — властно сказал доктор.

Медсестра покорно удалилась.

«Просто зверь!» — подумала Наташа даже с некоторым восхищением.

От гудения бормашины ей стало не по себе. Но лишь в первую секунду. Уверенность, исходившая от врача, успокаивала её. Девушка смотрела на него с благоговейным трепетом. В пронзительно белом халате и повязке на лице он выглядел как Бог. «Вот уж на кого все смотрят с открытым ртом, — подумала она. — Хорош! За него бы замуж». Дело сделано — пломба сидела как влитая.

Тут доктор снял повязочку-то. Ба! Да это же Тузиков! Он самый! Что ж ты, Дроботенко, сразу-то не сказал...

— Ну вот и всё. Наташа, вы в порядке? — обратился он к девушке уже с теплотой в голосе.

— Я? В порядке. Спасибо вам, — ответила Наташа, пытаясь не потерять дар речи.

Прекрасный, могучий Тузиков, врачующий боль. Доктор Тузиков! Как звучит! И он вчера предложил ей руку и сердце! Ах...

— Извините, Андрей Петрович, там поступил пациент с острой болью, — в двери снова высунулась девушка-медсестра.

— Приглашайте, Ирочка.

Тузиков помог Наташе встать с кресла.

— Вы позволите позвонить вам сегодня вечером? — улыбнулся он.

— Я буду рада, — кивнула Наташа.

Домой она летела на крыльях любви. «Тузиков, Тузиков, Тузиков», — пело её сердце. И дул весенний ветерок, пахнувший сиренями, и кузнечики стрекотали в траве, и всё было хорошо...

Через год они поженились. Сейчас у Тузиковых трое сыновей, старший учится в третьем классе. А Лёха Дроботенко так и ходит в холостяках.

Юлия Агентова

РАССКАЗЫ О ЛЕЛЬКЕ

рассказы

СОЛЁНОЕ УТРО

Дверь, ударившись о косяк, пружинит обратно: «Дзаны!» Поток дослепительного солнца обрушивается на проснувшуюся девочку. Она замирает на пороге, зажмурив глаза. Запах летнего утра, вобравший в себя пар земли, ароматы цветов и высыхающей после росы зелени, щекочет нос. Лелька морщится и приоткрывает один глаз, потом другой...

Свет врывается на веранду слева, в распахнутую дверь. А прямо перед глазами колышется круглый бабушкин зад, обтянутый светлым платьем в мелкий цветочек. Он как продолжение веранды, затянутой сиреневыми вьюнками, или луга за дверью, где прячутся в траве яркие маки, медовые лютики и розовые, пахнущие шоколадом цветы (название их Лелька не знает).

На крыше веранды тарахтят воробьи, мешая бабушке услышать шаги внучки. Но когда Лелька тянет её за юбку, та оглядывается.

— Проснулась, моя девочка! — бабушка подхватывает лёгкое тельце, целует внучку и ставит на табурет перед умывальником.

— Давай-ка умываться!

Лелька трёт ладошками сонное личико — и просыпается окон-

Юлия Агентова — прозаик, педагог-филолог по образованию. Окончила Пермский государственный педагогический институт (учитель) и Открытую Литературную Школу г. Алматы. Занимала призовые места в писательском марафоне American Spare Almaty, в конкурсе «Писатели за добро»; входила в лонг-лист конкурса Мультимедийного издательства Стрельбицкого «Любовь и волшебство». Рассказы публиковались в юбилейном сборнике ОЛША «Дорога без конца», журналах «Нева», «Литературная Алма-Ата», «Тамыр», «Зарубежные ЗА-ЗА задворки», «Дактиль». В издательстве «ikitarpykeni.kz» вышли две электронные книги. Живёт в г. Алматы, Казахстан.

чательно.

Бабушка опять склоняется над маленьким столиком, приготовляя Лельке завтрак. Сиденье синего деревянного стульчика гладкое и ещё прохладное.

Лелька крутится на нём, но потом тянет руку:

— Печеньку! Молоко!

— Сначала яйцо, а после печенье, — возражает бабушка.

Яйцо лежит на блюде с синей каймой. Бабушка поднимает яичко, стучает ножом в середину. Оранжевый шарик выпрыгивает из скорлупы и радостно плюхается в лимонно-жёлтую гладь.

— Фу! Шопли! — морщится девочка, отворачиваясь на стуле.

— Не говори глупостей, Лелька! — сердится бабушка. — Сырые яйца очень полезны. Вырастешь большая-пребольшая... А не будешь есть — останешься маленькой, и ребята не станут с тобой играть. Давай-ка, поворачивайся к столу!

Бабушка берёт девочку за плечи и разворачивает обратно. Лелька дуется, но делать нечего: она неохотно подцепляет край белка. С ложки свешивается зелёно-жёлтая сосуля — совсем как у одного мальчика из носа. До чего же скользкая и противная! Да и вкуса никакого в белке нет: ни кислого, ни сладкого. Ладно хоть, солёного и горького тоже нет.

Лелька вздыхает, морщится, но открывает рот. Если не глядеть на сосулю, яйцо можно быстро-быстро проглотить. Девочка косит глазами в сторону бабушки, потом крепко зажмуривается и медленно несёт ложку ко рту. Бабушка в это время успевает посыпать яйцо солью: ей кажется, внучке так будет вкуснее.

Почувствовав во рту солёную слизь, Лелька содрогается всем телом:

— Бя-я!

Рот широко раскрыт — белок летит обратно в тарелку.

— Шопли! — кричит девочка. — Не хочу! Солёные шопли! Не буду!

Она толкает блюдо от себя и начинает реветь. Тут уж и бабушка сердится не на шутку:

— Тогда вообще ничего есть не будешь!

И, схватив внучку за руку, вытаскивает из-за стола.

Надутая, стоит Лелька в дверях веранды, прижимаясь боком к тёплому косяку. Горячие лучи слизывают со щёк тонкие полосочки слёз, но солёные капли всё равно докатываются до уголков рта и

застревают там, словно куски противного яйца. Лелька трёт их ладошкой. Лёгкий ветерок гладит волосы, словно пытаюсь успокоить девочку. Вдали, за пустырём-лугом, машут руками зелёные пирамидки тополей, как будто тоже уговаривают:

— Не плачь, не плачь!

Под ними белыми коробками из-под обуви стоят в ряд дома. А выше них, над домами и деревьями, окружённое небесной каймой, огненным желтком сияет солнце... Лелька невольно улыбается ему и думает: «Вот там тебе и место!»

— Ладно уж! — тяжёлая мягкая рука вдруг ложится ей на плечо.

Девочка оглядывается. Это бабушка стоит рядом и держит в свободной руке стакан молока.

— Пей уж! — говорит она внучке и улыбается тоже.

В СТОРОНУ ГОР

Посёлок Ключи — это, конечно, не город Абакан, откуда они сюда приехали. Тут всего несколько домов, построенных для сотрудников опытной станции. С одной стороны, за домами — горы, с другой — поля, с третьей — крутой спуск к реке, а с четвёртой — холмы. Между ними и посёлком тянутся аллеи и множество всяких пустырей, заросших цветами и травами. Зато сколько здесь интересного!

После стирки бабушка обычно складывала бельё в таз, и они отправлялись в сторону гор. Там был ещё один арык — не широкий, зато с прозрачной быстрой водой.

Поначалу он испугал Лельку. На его дне под бегущими струями извивались, сплетались и прыгали ярко-розовые змеи! Девочка отбежала от воды и прижалась к бабушке.

— Не бойся, это водоросли, они не кусаются, — объяснила та.

«Водо-росли, — мысленно повторила девочка. — Они, что же, в воде растут?»

Она пригляделась. Неужели же неживые?! И, действительно, один конец водорослей оказался прикреплён к земле и не двигался — совсем как у растений, тогда как второй бойко скакал по воде.

Ой, а это кто?.. В ямках, где вода течёт медленнее, на невидимых коньках скользили по поверхности жучки-водомеры. Это бабушка

так объяснила Лельке.

— А они... живые?

— Эти — живые. Но тебя они не тронут, не бойся. Главное — ты их не обижай!

Ага! Обидишь их! Лелька сунула руку в воду, пытаясь поймать хоть одного. Но водомёрки тут же разъехались в стороны, а потом, опять собравшись вместе, заскользили быстро-быстро к противоположному берегу.

Ну и ладно! С одной стороны запруды, на глубине, бабушка полоскала бельё. А с другой — образовался целый водопад! Лелька кидала в него веточки и смотрела, как их кружит вода. Одна щепка застряла в кустах. Лелька потянулась, чтобы подтолкнуть её, но — ба-бах! — не удержалась и сама свалилась в воду.

Подхватив внучку поперёк туловища, бабушка тащит её на берег и садит на солнышке.

— Грейся, не то замёрзнешь.

Чтобы внучка снова не лезла к воде, бабушка даёт ей букварь. Его привезла мама, приехав с целины на выходной. До отъезда она успела показать дочке несколько букв. Открыв книгу на развороте, Лелька повторяет их, касаясь пальчиком:

— А-а!

И «А» расплывается в воздухе алым пятном.

— О-о!

«О» катится по траве золотистым колечком.

— И-и!

Зелёное «И» смешалось с листвой. А синее «Н» повисло перекладной высоко на ветках.

Бабушка не понимает, почему буквы кажутся внучке цветными, а Лельке кажется странным, что бабушка не видит их цвет.

Развесив бельё на ветках, бабушка пошла с внучкой вверх до конца аллеи, за которой виднелось поле, а ещё дальше — горы. Здесь ослепительно сияло солнце. А горы! Какие они красивые! Одна часть — жёлтая, другая — красная от цветущих тюльпанов.

Аллея поворачивала вправо, но они присели у больших валунов на солнцепёке, чтоб согреться после тенистой прохлады. В аллее надрывались птицы, перелетая с ветки на ветку.

— Это они гнёзда строят, — объяснила бабушка.

Скоро она задремала, пригревшись у камня, а Лелька... Разве могла она усидеть на одном месте? Девочка вошла в аллею.

— Чивик-чивик! — услышала она и взглянула на кусты. Оттуда выпорхнула серая птичка. А на уровне глаз, в зарослях, Лелька увидела, как поверх сплетённых прутьев гнезда потянулись вверх, извиваясь, длинные голые шеи с большущими глазастыми головами. Девочка удивлённо глядела на них сначала, а затем стала пробираться туда.

Птенчики, заметив движение около гнезда, разинули треугольные с жёлтой каёмочкой рты и заверещали. Лелька отпрянула назад и тут услышала голос бабушки:

— Вот ты где! А я потеряла тебя. Не бойся, это птенцы, они есть просят.

— У меня пряник есть! — Лелька с готовностью полезла в карман. Но, оказалось, птенцы пряников не едят.

— От такой еды у них животы заболят, и они погибнут, — объяснила бабушка. — Их может кормить только мама. Смотри!

И Лелька снова увидела серую птицу. Та сидела на верхней ветке, посматривая на них круглым глазом. Из её клюва торчали тонкий хвост и крылышки стрекозы. Лелька и бабушка замерли на месте, и птичка, наконец, решилась: взмахнув крылышками, подлетела к гнезду — и стрекоза исчезла во рту одного из птенчиков.

Зато два других обиженно закричали.

— Птичка принесёт им ещё насекомых, не переживай, — сказала бабушка и потянула внучку за руку. — А нам пора домой.

Пока они гуляли, бельё на ветках подсохло, и бабушка аккуратно уложила его в таз. Но Лелька всё думала о птенчиках. Как жалко, что не удалось поиграть с ними! Однако бабушка сказала, что птичка от этого может их бросить совсем и не вернуться обратно. Тогда малыши умрут с голоду. Лелька не хотела, чтобы их бросала мама. Вот она тоже живёт сейчас без мамы. И это так грустно! Хотя мама её не бросала — нет, она обязательно вернётся. А у бедных птенчиков... У них даже бабули нет!

КРАСНЫЕ ЯГОДЫ

Узбора Галиевых стоит грузовик. В кузов сваливают вещи: узлы с тряпками, столы, стулья. Затем туда лезут взрослые и дети, рассаживаются на вещах. Только хозяйка бывшей квартиры с двухлетним Зауркой залазит в кабину.

Небольшая кучка людей, провожая уезжающих соседей, машет им на прощанье рукой. Лельке машет из грузовика Флюра и другие дети Галиевых, но ей грустно от того, что уезжают друзья, с которыми она играла целый год. Девочка сопит и прижимается к боку бабушки.

— Ну вот, теперь новые жильцы будут! — говорит одна из женщин, когда грузовик трогается с места.

— У Галиевых хорошая квартира была, — отвечает бабушка. — Мне она больше нашей нравится. Целый день в ней солнце, а у нас — только по утрам.

— А вы попроситесь сюда, — советует женщина, — пока никто другой не заехал.

— Действительно, — говорит бабушка. — Надо попробовать. Завтра дочь с целины приезжает, пусть к директору сходит!

Лелька вспоминает, что завтра приедет мама, и слёзы её высыхают.

Мама действительно приезжает и привозит в подарок дочке гамак. Мама идёт к директору, и он разрешает переехать в квартиру Галиевых. Ура! Здесь и правда лучше. В палисаднике растут вишни. Жаль, что ягоды уже съели, но бабушка уверяет: на следующий год они вырастут снова. За верандой теперь не пустырь, заросший цветами, а рощица из акаций. Все они покрыты белым кружевным цветом, над которым жужжат пчёлы. Деревья с трёх сторон огибает ручей. А с четвёртой — стоит сарай, в котором хранятся дрова и уголь.

— Ну вот, качайся! — мама заменяет верёвочную качель Галиевых на новый гамак.

И сразу набегают ребята. Всем интересно покачаться в гамаке.

— У, да в нём, как в лодке!

— Подвинься! Мне дай...

Как хорошо под акациями! Не жарко, и можно возиться в воде. Бабушка разрешает Лельке играть здесь и одной, и с детьми. Нельзя только бегать за арык на дорогу, где проезжают иногда грузовики или лошади. Лелька соглашается с бабушкой. Не может понять она бабушку в другом.

У сарая растёт деревце, на котором спеют ягоды. Из жёлто-зелёных они превратились в оранжевые, но продолжают краснеть и краснеть... Вот уже гроздья алых шариков усыпают все ветки, а бабушка твердит:

— Их есть нельзя!

Мама опять уехала, а то бы Лелька спросила у неё, правда ли это. Она ведь помнит... Давным-давно, когда они жили ещё в Абакане, мама несла её на руках. Они проходили мимо дерева с такими же ягодами. Лелька тогда не умела говорить и только тянула к ним руку. Они любовались этими ягодами, и мама даже сорвала их. Вот только не помнит Лелька, ели они эти ягоды или нет. Но мама точно не говорила, что они опасные...

У кого бы ещё спросить? Лелька спрашивает белокурую девочку Галю, которая пришла покачаться в гамаке. Она большая, уже учится в школе. Галя легко достаёт рукой до усыпанной ветки.

— Это волчьи ягоды, — говорит она. — Красивые, правда? Но их есть нельзя, отравишься.

Волчьи ягоды? А зачем тогда Галя сорвала и унесла с собой ветку? И что-то не видела Лелька здесь волков, которые, к тому же — это всем известно — ягодами не питаются! Может быть, и бабушка не даёт ей ягоды рвать, чтобы самой потихоньку съесть?

Лелька ходит день изо дня вокруг дерева и всё смотрит на красные шарики. Из гамака на них смотрит, из окна квартиры смотрит. И однажды не выдерживает.

Когда бабушка занялась дома делами, Лелька пошла к дереву и нагнула ветку, подцепив её длинной палкой с сучком. Что-то зашуршало в этот момент за сараем. Лелька отломилла кисточку с ягодами и оглянулась. Тёмная тень промелькнула в кустах — Лелька выпустила ветку. Нерешительно осмотрелась и сунула ягоды в рот.

Вкус был какой-то непонятный: не очень сладкий, хотя и не горький. Только Лелька собралась съесть вторую горсточку, чтоб хорошенько вкус разобрать, как в кустах снова раздался треск. И тут Лелька увидела... серый бок! Она испуганно вскрикнула. Конечно,

это был волк! Кто же ещё? Замер в кустах у сарая и глядит оттуда щёлками чёрных глаз. Лелька попятилась, выбралась из поросли, окружавшей дерево, и бросилась домой.

— Ты чего такая тихая? — спросила Лельку за обедом бабушка, заметив, что внучка послушно доела суп и без всяких возражений легла в постель.

— Спать хочу! — сказала Лелька, которой в самом деле хотелось быстрее заснуть, чтобы не думать о страшном.

Она проснулась от того, что крутилась кровать. Крутилась примерно так, как карусель в городском парке, куда её как-то возила мама. А когда девочка попыталась сесть, всё вокруг ещё сильнее закружилось. Особенно сильно вертелось в животе.

— Ба! — завопила она. — Меня рвёт!

Бабушка едва успела принести тазик.

— Что же ты съела, Лелька?

Но ответ уже красноречиво алел яркими точками на бурой кашнице Лелькиного желудка.

Вызванный срочно врач успокоил бабушку: девочка съела слишком мало ягод, чтобы они могли причинить серьёзный вред.

А пришедшая в себя Лелька позже призналась, что наесться ягод ей помешал волк.

— Волк? Откуда же у нас волк? — удивилась бабушка.

— Да вот он! — заорала Лелька, взглянув нечаянно в окно.

— А... — засмеялась бабушка. — Да это же Бобка! Приблудился к нам этот пёс. Что ж... За твоё спасенье придётся его кормить!

И бабушка собрала косточки, оставшиеся от обеда.

— Баба, — тихо сказала Лелька, потянув её за подол, когда они спускались с крыльца.

Бабушка оглянулась.

— Я всегда буду верить тебе, баб...

— А? Ну, ладно, ладно... — удивилась бабушка ещё больше.

И они вместе понесли кости к сараю.

ПЕРЕПОЛОХ

Нет, не нравится Лельке в детском саду! Но, справедливости ради, надо сказать, что и здесь случается иногда что-то интересное: то в гуси-лебеди они поиграют, то к утреннику готовятся... Однако больше всего девочке нравится, когда их ведут на прогулку. Взявшись за руки, идут они шумным неровным строем, выходят далеко за посёлок и взбираются на большой мохнатый холм. Тут руки уже можно отпустить, в разные стороны разбежаться и играть во что хочешь.

Склоны холма кишат всевозможными травками и жучками. Тут даже игрушки, которых в детсаду на всех не хватает, не обязательны. Лелька собирает жучков, ловит стрекоз, рвёт им траву. Чтоб насекомые не разбежались и с ними можно было играть даже в садике, девочка складывает их в коробку.

Однако до обеда поиграть с жучками не удалось. Лелька украдкой притащила коробочку в спальню и пристроила между стеной и подушкой. Прислушалась... Жучки недовольно шевелятся в заточении, ползают по стенкам, шуршат. Им, как и Лельке, совсем не хочется спать.

— Тш-ш! Рано ещё! — шипит девочка, приоткрыв крышку коробочки.

Нет, кажется, шуршат они слишком громко. Вдруг услышат? Она прикрывает коробку краем подушки, а на другой конец ложится сама и смотрит в окно.

По небу плывут облака, меняя на ходу свою форму: то вытягиваются в длину, то собираются в кучу, становясь похожими на фигурки животных. Вот проплыл на синем фоне верблюд, превратившись под конец в зубастого крокодила. Вон тигр приготовился к прыжку. А это — большая рыба-кит... Мешает смотреть только ветка карагача, похожая на букву «у», да жучки отвлекают, продолжая проситься на волю. Скребут да скребут лапками.

Под их монотонный шорох Лелька, наконец, засыпает.

Просыпается она от резкого крика и ничего не может понять. Протирает глаза и видит: в спальне полный переполох! Наталья Ивановна с веником и ведром стоит у двери с сердитым видом. Аня

прыгает на постели так высоко, что белая рубашка раздувается на ней парашютом.

— Вон она, вон! — вопит Аня, указывая пальцем на гусеницу на стене.

Даша тоже прыгает, держась за спинку кровати, и визжит со всей силы:

— Тут ещё оди-и-ин! — и показывает на кузнечика.

Люда Ревена свесилась с кровати так, что косички бороздят по полу.

— А тут вонючка ползёт! — радостно сообщает она.

Из-под кровати, воинственно подняв кверху остренький зад, действительно выползает жук-вонючка и гордо шагает по спальне на тоненьких ножках.

— Девочки, успокойтесь! Перестаньте скакать, одевайтесь! Сейчас я их всех соберу, — воспитательница шагает в комнату и поднимает веник, чтобы смести со стены гусеницу. Но тут из-под её ног прыгает вверх огромная саранча. Наталья Ивановна так визжит, что за стенкой на кухне что-то громко падает. В дверях появляется испуганная повариха в мокром от киселя халате и таращит глаза. Дети на мгновение замолкают, оглушённые криком, а потом восторженно и радостно вопят ещё громче.

Лелька спрыгнула с кровати и побежала помогать собирать насекомых. И тут все догадались:

— Это же Лелька, Лелька их принесла!

— Ну, где ты их хранишь? — Наталья Ивановна осторожно приблизилась к Лелькиной постели и встряхнула подушку.

Коробка с остатками полевых пришельцев повалилась на пол — воспитательница запрыгнула на кровать.

— Ну, Агатова! Придётся обыскивать тебя после каждой прогулки, — шипит она оттуда, перебирая ногами, чтобы не упасть и не наступить на очередного жука. — Собирай их немедленно, любительница животных, — и в угол, в угол до ужина!

«Ну, из-за чего такой шум?» — думает Лелька, стоя в углу. Дети, бегая вокруг неё, корчат рожи. Кто-то, вытягивая руки со скрюченными пальцами и неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, изображает жука. Остальные с визгом бегут наутёк. Наталья Ивановна, не

в силах уgomонить детей, гонит всех на улицу.

«Если бы жуки были кусачие, разве я могла бы их брать в руки? Глупые девочки! Сами помогали мне на поляне их собирать, а теперь делают вид, что испугались. На самом деле повторяют за Наталь Ванной. Повторуши!»

Дверь кухни открыта. Лелька видит, как по полу течёт молочная река — кисельные берега. Повариха веником загоняет её в совок, потом — в ведро. Позже проплывёт мимо Лельки с подносом, расставляя на длинном столе кашу и остатки молочного киселя, которые (Лелька видела это) разбавила из чайника водой.

«Сесть за стол или постоять до конца ужина?» — размышляет Лелька, которая не любит ни киселя, ни каши. Но второй поднос, с печеньем, разрешил её сомнения, и, выпущенная из угла, она с вернувшимися детьми садится за стол.

Пока Лелька грызла печенье, Славка доел порцию каши и завистливо смотрел на остальных.

— Хочешь? — шепнула Лелька.

Славка радостно закивал и моментально поменял тарелки. Выждав, когда Наталья Ванна повернётся в другую сторону, Лелька вылила в его стакан также часть киселя. Запив остатками печенья, вместе с другими прокричала «Спасибо!» и выбежала во двор.

Вот-вот должна появиться бабушка. Лелька играет у забора, чтобы сразу её увидеть. Скорей бы домой, где можно играть с любимыми куклами и ждать вечер, когда придут в гости подружки бабушки.

Они обычно рассаживаются у крыльца, пьют чай с вареньем и что-нибудь рассказывают. Лелька пристраивается на камушке у их ног. Ей перепадают конфеты, которые старушки приносят с собой. Рассказы взрослых иногда понятны, иногда — нет. Зато можно смотреть на бабочек-вампиров, которые кружат над душистыми табачками. Бабочки-вампиры запускают длинный хоботок глубоко в трубку цветка. Их очень легко поймать тогда за мохнатое тельце. Но бабушка делать этого не разрешает, ведь пальцы стирают с крыльев пыльцу. «А без пыльцы они гибнут», — утверждает она. Поэтому Лелька не ловит бабочек и даже отгоняет от ночных красавиц соседского кота Ваську, который уплетает их не хуже мышей.

Лелька наблюдает, как зависает над цветком длинное красно-по-

лосатое тельце, как неутомимым веером гудят крылья и как разворачивается под горящими глазами свёрнутый в калачик хоботок. Длинной иглой исчезает он внутри белой чистой звёздочки, чтоб высосать с её дна каплю влаги, которая зовётся нектар.

Иногда бабушкины подруги включают в беседу и девочку. Тогда Лелька рассказывает им про свои приключения.

Сегодня старушки до слёз хохотали, когда Лелька изобразила в лицах, как в детсаду ловили жуков.

— Ну, Лелька, кем же ты будешь, когда вырастешь? — спросила, отсмеявшись, одна из бабушкиных подруг. — Биологом? Или агрономом, как мама? Или артисткой?

Лелька лишь на мгновение задумалась.

— Сторожем в детском саду! — быстро отвечает она.

Наступила недоумённая тишина, и лёгкий смешок пронёсся над садом.

— А почему же не воспитателем? — спрашивает из темноты другая приятельница.

— Да почему что! Сторож приходит не днём, а ночью. Я приду и целую ночь буду играть одна с игрушками! — охотно разъясняет старушкам Лелька.

Марфуга Ахметова

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

рассказ

Вот и весна. Из-под пожухлой прошлогодней листвы пробивается зелёная трава, на деревьях набухают почки – словно лисьи мордочки на ещё холодных ветках. Ещё немного – и всё вокруг запоёт, запляшет. Буйный весенний ветерок-хулиган гонит серые тучи. Они наливаются тёмной синевой, вбирая в себя всё больше тёмной лазури, нависают над землёй ниже и ниже, а затем этот грозный тёмно-лиловый шар, вдруг, лопнув, проливается ливнем, насыщая просыпающуюся землю живой влагой. Проходит дождь – и всё ликует: птицы поют, сердце трепещет. И никакая сила уже не может остановить рождение нового....

Женя склонилась над детской кроваткой и немигающими глазами долго всматривалась в детское лицо. «Нет, она не похожа на меня, – из груди вырвался облегчённый вздох, – ну вот и хорошо. Если она будет красивой, как её отец, то будет счастливой. Хочу, чтобы на её долю выпала лучшая судьба, чтоб мою кроху обошли беды стороной», – думала она.

Ребёнок закряхтел, молодая женщина отогнала грустные мысли и, мурлыча песенку, стала укачивать малышку.

– Уснула? Давай вставай, иди, помоги матери, – тихо, но довольно грубо сказал отец, просунув голову в приоткрытую дверь.

Марфуга Ахметова – писатель, преподаватель. Родилась в 1959 году. По образованию – учитель русского языка и литературы. Окончила курсы писательского мастерства «Литпрактикум: База», «Литпрактикум: Своя книга». В 2020 году издала первую книгу – сборник сказок. Является лауреатом Республиканского конкурса «Ер Тостик». В 2024 году стала финалистом конкурса прозаических произведений для детей им. Алтынсарина с повестью «След голубой волчицы». Рассказы публиковались в журнале «Дактиль», а также в различных литературных сборниках. Живёт в городе Алматы.

Женя осторожно отодвинула кроватку, бросила взгляд на своё дитя и медленно побрела в сторону кухни.

Они с матерью суетились, чтобы побыстрее накормить отца: ему нужно успеть попасть на работу вовремя.

Все молчали.

Когда отец ушёл, женщины сели за стол и стали завтракать.

— Мам, почему отец постоянно злится? Ну, сколько можно? — почти шёпотом спросила Женя.

— Не обращай внимания. Он ведь женился на мне только из-за моей внешности, думал, что если я симпатичная, то и дети будут красивыми. А оно, видишь, как вышло... Ну что поделывать, ничего, переживём как-нибудь.

Женя знала, что она не виновата, что родилась уродиной. Но каждый раз, когда мама напоминала об этом, вся сжималась внутренне. Хотелось спрятаться, но прятаться от матери было некуда.

— Отец злится, что ты родила без мужа, говорит, что стыдно людям в глаза смотреть, — сказала мама, — но хоть слава Богу, что дочь твоя родилась красивой.

Женя вернулась к ребёнку. Убедившись, что та мирно посапывает, легла на кровать.

Свежий пахучий ветерок ворвался в открытую форточку, стал теревить прозрачную тюль. Пахло свежей травой, распускающимся кустарником под окном. Огромной озёрной волной хлынули на Женю воспоминания.

В школе все к ней относились с пренебрежением — иногда скрыто, а иногда и в открытую подчёркивая её некрасивость. Она и сама знала, что её грубые, крупные, далеко не женственные черты лица, несуразная фигура, толстые, похожие на вздутые бутылки, ноги не привлекают никого, а наоборот — отталкивают. В раннем детстве это особо не волновало — хорошая учёба, исполнительность, послушание позволяли ей компенсировать внешние недостатки, и одноклассники относились к ней с уважением. Но когда чуть повзрослели....

В старших классах все девочки превратились в цветущих девушек, все дружили с парнями. На школьных вечеринках танцевали парами — Женю же никто не приглашал.

А прошлой весной произошло самое настоящее чудо. Последний год учёбы, все планировали разъехаться, строили планы, загадыва-

ли наперёд. Женя ничего не планировала, словно чувствовала, что не сбыться её мечтам.

Как-то раз к ним пришли ребята из других школ, стояли кучкой в стороне, девчата, весело заигрывая, поглядывали в их сторону. Среди всей этой толпы самым заметным был парень с портативным модным магнитофоном в руке. Его красивое лицо, надменный взгляд, уверенность в себе привлекали к себе взгляды всех девчонок. Все хотели танцевать только с ним. Но он не обращал ни на кого внимания, не танцевал, а лишь стоял и о чём-то говорил со своими друзьями. Прозвучала ещё одна мелодия — он повернул голову, осмотрел зал и уверенно зашагал в сторону Жени. Она отвернулась, думая, что он идёт к кому-то из девушек, стоящих рядом. Но он подошёл к ней и пригласил на танец. Женя растерялась и неожиданно для себя отказала ему, но парень не ушёл.

— Меня зовут Георгий, — сказал он, протянув руку.

— Женя, — ответила она и опустила глаза.

— Давай всё же потанцуем?

Женя подумала мгновение и кивнула.

Весь вечер они танцевали с ним. Женя была как во сне. Сердце странно сжималось и колотилось так, будто было готово выскочить из груди.

Потом он проводил её до дома.

Теперь каждый вечер Георгий подходил к её окну, легонько стучал и просил выйти на улицу. Первое время они ходили к озеру, сидели на берегу и смотрели на волны. Много говорили и иногда спорили.

— Ты такая умная! — восхищался он.

Однажды она спросила Георгия:

— Скажи, почему я? Ведь я совсем не привлекательна. Кругом много симпатичных, а ты выбрал меня.

— Мне понравились твои глаза. Знаешь, в тебе что-то есть, что делает тебя непохожей на других девчонок. Какая-то...я не знаю... внутренняя красота, наверное....

Женя порхала, ей казалось, что это и есть настоящее счастье. Она не ходила по земле, а летала, не чувствуя своего тела. Ей казалось, что она воздушная, словно нежная паутинка.

Весна цвела и благоухала, сердце девушки пело в такт весеннему разноголосью.

Никто не знал, никто даже не подозревал, что у Жени бурно развивается роман.

Они больше не ходили к озеру, не гуляли на улице. Георгий залазил к ней в окно и уходил рано утром тем же путём.

— Георгий, почему мы прячемся? Давай я тебя познакомлю с подругами, — спрашивала Женя.

Но он отнекивался и говорил, что это совершенно ни к чему.

А в одну из таких ночей Женя сказала, что им нужно пожениться.

— У нас будет ребёнок, — сказала она ему.

Он вскочил с кровати. Точно гром среди ясного дня прозвучали его резкие слова:

— Что?! Да ты хоть понимаешь, что я не могу на тебе жениться?

— Но я люблю тебя, и у нас будет малыш.

— Какая любовь? Мы же просто развлекались. Завтра же иди в больницу и избавься от этого.

Он быстро оделся и выскочил из окна. Больше она его не видела.

Про дальнейшую учёбу нужно было забыть. Живот начал быстро расти, вскоре это заметила мама, а потом и отец. Он долго бушевал, кричал на мать и говорил, что такую блудницу нужно выгнать из дома. Но всё обошлось — со временем отец смирился, а когда увидел новорождённую, то и вовсе успокоился. «Хоть она не уродка, слава Богу», — только и произнёс он. Отец предложил назвать её Василисой.

Женя лежала с открытыми глазами. События прошлой весны вновь и вновь всплывали в её памяти. Вот и сейчас всё, как тогда. Так же благоухает под окнами ещё не до конца распустившаяся сирень, всё так же щебечут прилетевшие птицы, так же веет тёплый ветерок — всё так же. А в душе? Нет, в душе было не так.

Новорождённая Василиса-красотка спала.

Весна призывала всё живое возродиться, восстать после зимней спячки, соединиться в любовном танце. И казалось, что только одна девушка во всём мире — покинутая и позабытая — была не вовлечена в этот танец. Она лежала с открытыми глазами, вспоминая лучшие минуты своей жизни. И вдруг Женя осознала, что несмотря на все невзгоды, на лице её блуждает невольная улыбка. Она встала, прикинув губами к нежному лицу ребёнка, и почувствовала, что просто задыхается от счастья — от великого счастья, подаренного ей Весной.

Асель Исмаилова

ТО, ЧТО БУДЕТ И ПОСЛЕ

рассказ

Маки¹ были повсюду. Горы будто вспыхивали огнём каждую весну, укутывались в алое покрывало. Родина моего отца потому и называлась Красногоровкой. Бывало, только въезжаешь в область и, глядя на покрытые маками склоны гор, теряешь счёт времени, забывая обо всём на свете.

Здесь родились мои предки — моя Апашка, её отец, отец его отца. Апа была единственной дочерью раскулаченного бая, она рано столкнулась с жестокостью и несправедливостью жизни...

Вынужденный побег с семьёй и своим народом в Китай, болезнь и смерть отца, необходимость бежать назад, а затем — череда жестоких событий юности, о которых она сама никогда не хотела говорить... Всё это выковало её характер. Осталось только бельмо на весь левый глаз — как следствие перенесённого стресса от многомесячных допросов, побоев и прочей жестокости со стороны большевиков.

Моё сердце до сих пор сжимается от ярости и бессилия, когда я думаю о том, что пришлось пережить этой хрупкой, но такой сильной девочке в свои тринадцать–четырнадцать лет.

Никто не должен переживать такое.

¹ Мак считается одним из самых древних растений, которое люди начали использовать в медицине и в кулинарии, чьи свойства сохраняются даже спустя очень долгое время после завершения жизненного цикла (авторское примечание).

Асель Исмаилова — писатель, психолог, коуч. Автор книги «Хорошо быть мной» (Zerde Publishing, 2025), а также терапевтических настольных игр. Выпускница «Лит-практикума». Исследует эмоциональный интеллект, занимается просветительскими проектами и работой с подростками. Мама четверых детей. Живёт в Алматы.

В четырнадцать же, чтобы «спрятать концы в воду», поменять фамилию и прекратить издевательства над дочерью, мать решила выдать её замуж.

Помню рассказы Апашки о том, как однажды мать, оторвав её от разбирания шерсти, позвала на улицу и показала вдаль:

— Смотри, воон, видишь, на телеге едут двое? За маленького замуж выйдешь, поняла?

— Ой, мааам, можно за высокого? — пыталась возразить четырнадцатилетняя Биби.

— За маленького выйдешь, я сказала! — тоном, не терпящим возражений, ответила мать и подтолкнула её назад во двор.

Так семьи «договорились», и Апашку забрали.

Мой Рахимжан-ата тогда был на пару лет старше её. Его приёмная семья вырастила его человеком добрым, справедливым, работающим, и в ту пору он считался завидным женихом. У него была своя тёлка (на заработанные в ауле трудодни) и отдельная комната в доме. В этой семье он жил с пяти лет. Его приёмные родители — Иван и Мария — ехали с покоса на бричке и вдруг увидели на обочине мальчика, не подававшего признаков жизни. Мухи облепили его лицо, губы были потресканы от обезвоживания. Он был истощён и буквально умирал от голода. Казалось, что мальчика не спасти.

Но Мария была повитухой — доброй дородной женщиной, работающей и хохотушкой, а ещё мамой пяти сорванцов.

— Держись, пацан, где наша не пропадала! Бог — не Тимошка, видит немножко! Не даст невинной душе сгинуть!

Они с мужем загрузили найденыша в бричку и повезли домой. Семья выходила и вырастила моего деда, как родного сына.

Они нашли его родственников, и оказалось, что мама Аташки скончалась при родах, а отец был уездным фельдшером. Однажды он заразился от пациентов и скончался от тифа. Мальчик же, его сын, остался абсолютно один, не знал, что делать и куда идти. Когда дома закончилась вся еда и вода, он из последних сил вышел на улицу, где потерял сознание от слабости и голода, и его и нашли добрые люди.

Иван с Марией воспитывали его так же, как и своих детей — учили Рахимжана житейской мудрости, считать, работать и быть хо-

рошим человеком. В шесть лет его отправили с отцом и старшими братьями пасти овец, затем доверили делать это с одним братом, потом — и одному. На заработанные Рахимжаном трудодни ему купили учебники в сельскую школу, а затем — собственного барашка.

А ещё они уважали его веру. Помню, Ата рассказывал нам, внукам, как пастушком его с братом Борисом отправляли на джайляу. Брат Борис брал с собой кусок сала, а Рахимжану мать давала кусок вяленой конины, помня, что свинину ему нельзя.

— Брали мы ведро, — бывало, затягиваясь самокруткой, вспоминал Ата, починяя загон для лошадей, — ставили туда решётку из ивовых прутьев, сами мастерили её, значитца, — говор у Аташки был старорусский, перенятый от приёмных родителей, — ну, и клали туда каждый свой шмат. Брат Борис — сало своё клал, значитца, а я — конину.

— Ата, — спрашивали старшие внуки, когда я ещё была не в теме, — а как же бульон? Он же у вас общий был в ведре-то с решёткой!

— А про бульон в Коране ничего не сказано, понятно? — кричал в усы Ата, аккуратно затоптав самокрутку и вновь пряча её за ухо (на потом), и прогонял нас, пока Апа не увидела, что мы бродим без дела. В селе все должны работать!

К моменту встречи Апашки с ним у Рахимжана уже была собственная, собственноручно пристроенная к основному дому тёплая саманная комната, тёлка и накопления, которые ему некуда было тратить в селе.

Молодые стали жить вместе под приглядом Марии, пока Биби не станет взрослой. Её мама выделила им землю, и они начали строить свой дом.

Помогало им всё село. Люди помнили и любили её отца, видели и в ней его черты — справедливость, честность, ответственность. Биби была статной высокой девушкой с прямой спиной и строгим внимательным взглядом. Молодые работали в селе, строили дом, постепенно стали рождаться дети.

Но всегда, когда в селе возникали споры — от частных хозяйственных вопросов до глобальных, сельских — все шли к Биби. Её деловая хватка, строгость и смелость создали ей образ судьи в селе. Она никогда не боялась высказывать своё мнение, была справедливой и не раз привлекала к себе внимание властей. Из-за этого и

мать Биби, и свекровь рекомендовали ей быть потише, чтобы не повторить судьбу своего отца.

Ата всегда был человеком более миролюбивым, добрым, открытым, скромным — «балажан», как с теплом вспоминают его дочери и внуки.

Мой отец стал долгожданным сыном после четырёх дочерей. После девочки, названной Ултуган, родился он. Это стало невероятным счастьем и для семьи, и для села. Биби будто расцвела и почувствовала дыхание жизни, её смысл. Она мечтала именно сыну передать ценности, которые она впитала у своего отца, и его стиль управления — справедливый, строгий, но честный. Такое было время, что на дочерей не делали ставку.

Конечно, она баловала Раимжана. Конечно, уделяла ему больше внимания. В поле за покосом или вечерами, когда он чистил двор, а она доила Зорьку, она старалась говорить с ним, воспитывать его порядочным и работающим человеком. Учила его строить отношения, рассказывала о важности образования, необходимости развиваться и учиться.

Она безумно скучала по нему, когда ему пришлось уехать в четырнадцать лет, ведь в селе тогда не было подходящего образования, но верила, что делает лучшее для него, и всегда ждала его возвращения.

Шли годы, и в институте отец встретил мою маму. Оба были очень красивыми, яркими, дерзкими. Маму сразу привлекли его харизма, джинсы из-за рубежа и «Marlboro», которыми торговал отец в институте. Его — её неприступность и нарочитое равнодушие к нему.

Они сошлись очень быстро, сделали свадьбу в городе, родили меня, когда маме было всего двадцать один год, а отцу — двадцать два. Оба были студентами, писали дипломы, и жили с родителями мамы в большом, шумном доме, где отца приняли как своего, как сына среди троих дочерей.

Апа сразу полюбила мою маму, в отличие от её шести золовок. Так же сильно она любила и нас с сестрой, своих кровных внучек.

В два года меня впервые привезли в аул, на родину отца. Это было большим событием для Апашки. Ребёнок её сына едет к ней, на родину её предков. Благодаря многим месяцам, которые Апа, будучи ещё подростком, провела в тюрьме «за грехи отца», она научи-

лась скрывать эмоции, быть немногословной и резкой, и со своими детьми она, ясное дело, не нежилась.

Но не со мной. Мне было можно всё.

По рассказам отца и моих тёток, ещё до моего приезда Апа «возвестила народу», что приезжает её внучка.

Мне заранее «отобрали» подружек, искупали их в тазах, одели в нарядное и привели к крыльцу. Апа хотела всё самое лучшее для меня.

Байская внучка (пухлощёкая, круглоглазая я, в которой на первый взгляд не было ничего казахского) вышла, окинула коротким взором пришедших «подруг», бросила «ойнамайм» и зашла в дом.

А потом из окна увидела Макса.

И он стал моим лучшим другом.

Апа, конечно, расстроилась. Макс явно был не пара её внучке. «Светофор» — так за глаза называли его в нашей семье за красные щёки, ярко-рыжие волосы и зелёные сопли.

Я даже не помню, о чём мы говорили.

Помню, что с ним всегда было весело. И безопасно. И не страшно убегать от шипящей гусыни, принадлежащей его бабушке. Было интересно красть яйца и «высиживать» их в старой аташкиной «куфайке». И не страшно было потеряться на лугу, потому что у Макса была «чуйка».

У меня «чуйки» не было, а «чуйка» Макса не подсказывала, когда нужно было возвращаться домой. Поэтому мы часто затемно крались дворами каждый к себе, а потом вечерами Макса лупили, как Сидорову козу.

Отец посмеивался, что у моего друга хорошие лёгкие, и завтра мне придётся самой плести себе венок из маков, но наутро Макс уже ждал под окнами, пока я доем свой завтрак. И мы вновь бежали на луг искать червей, рыть лунки для «клада», искать лучшее дупло в деревьях и Бог пойми что ещё.

Апа за меня не переживала, если я была с Максом. Он воровал для меня у соседа самые красивые зелёные яблоки, которые мы грызли с солью, сидя верхом на заборе. А потом мы вместе убегали под соседовы же крики: «Иттың балалар!» — падали в траву и смотрели на солнце сквозь маки.

С конца апреля все холмы в округе горели от маков.

До сих пор, переносясь в медитациях в «безопасное место», я вижу луг, где пятилетками бегали мы с Максом, траву выше нас ростом, поля маков... Вспоминаю тёплые мозолистые руки Апашки, которая давала самый первый баурсак мне, предварительно обмакнув его в ещё сладкую свежую сметану.

В мои восемь Апашки не стало.

Умирая от рака, она отказывалась от опиума, чтобы быть в сознании, видеть нас, насытиться последними днями с любимыми. И только во сне, когда не могла контролировать себя, она рычала от боли. Мать с отцом просыпались и плакали, обнявшись.

Когда ушла Апа, казалось, ушла целая эпоха. И всё развалилось. Мои родители вскоре развелись, и я перестала ездить в село...

А пару лет назад отец сказал мне, что и Макса давно не стало. Инфаркт...

Я всегда буду помнить, как Апа провожала меня в школу, а я, глупая шестилетка, запрещала ей идти дальше, стесняясь её бельма.

Апа, я всегда буду помнить твои натруженные руки, крепкие объятия, в которых ты словно хотела передать всю силу своей любви ко мне, но не умела сделать это словами... Буду помнить стук твоего сердца у моего виска каждый раз, когда ты притягивала меня к себе.

Я всегда буду помнить тебя, Макс, и быть благодарной за то, что бесстрашно кидался за меня на каждую собаку...

А маки в Красногоровке всё так же цветут. И, наверное, это главное напоминание о том, что жизнь, как эти горы, продолжает гореть яркими красками, даже когда кажется, что всё потеряно.

ПӨЭЗИЯ

Рамиль Ниязов

ЗЕМЛЯ ПЫЛАЮЩЕЙ СИРЕНИ

ادن اق ش ارچۇئى¹

ходят слухи на границе есть аул где
время считают смертями стариков
потому что иного счёта не остаётся
а в магазинах расплачиваются воспоминаниями

за корову на базаре просят первый поцелуй или имя
предка
который не смог умереть три поколения назад
а за курицу всего лишь последний звонок
или лучший one night stand
но есть и контрабандисты
что возят из Китая стволы
и тайные книги за умения играть на дутаре
или память о брачной ночи —
их всё пытаются изловить
но покупатели не уверены
что эти люди вообще существуют

что люди делают с купленным?
уезжают подальше и не возвращаются

¹ Когда мы встретились (уйг.)

Рамиль Ниязов — родился в Алматы. Выпускник Открытой литературной школы Алматы (семинар поэзии Павла Банникова, 2017–2018). Лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко (2019). Студент-бакалавр Смольного факультета СПбГУ. Финалист литературной премии Qalamdas, посвящённой памяти Ольги Марковой, в номинации «Поэзия» (2023).

потому что те кто пытался
видели руины по приезду
и газетные вырезки что
селение Қ. опустело пятьдесят лет назад

все молчат что делают с воспоминаниями
ходят слухи что продают фетишистам
через ангелов-посредников втридорога
или клепают баллистические ракеты

но кому-то точно нужно было всё отобрать

мы поговорили с выжившим
уроженцем того аула по прозвищу
Эмирдин (настоящее имя герой не помнит)

— почему вы взяли себе псевдоним «Религиозный
лидер»?

— это слово на арабской графике
было выбито у меня на груди
и не смогло быть стёрто ножом
возле слова Замира –
то ли сердце то ли совесть то ли жена
дальнобойщики нашедшие меня
сказали что я шёл
медленно в сторону Китая и причитал
и причитал держа в руках
серебряный пистолет
как единственную память о небе
и свиток на непонятном языке

востоковеды сказали что это
Книга на старомонгольском
но подтверждений не нашли

— вы помните что-то о себе?

— что мать учила меня молчать
а отец — забыть забитых предков
речей кондовый яд
купить ствол и букварь у наших врагов
и гиацинтов накормить своё сердце
и никогда не возвращаться
откуда они хотели не уезжать

— что вы будете делать?

— запомнюсь вам невинным

— что вы причитали — они расслышали?

— да, мой рот произносил:

их не берут их же стволы

на меня смотрел мир отовсюду
и пел хвалу моей пуленепробиваемости

мать говорит что мы проиграли
а я не помню кто это

я хотел целовать мёртвый песок её рук
и обнимать сгоревший кипарис её стана
пока она не превратилась
в последний хлеб
который у меня был

мы не искали счастья в городах
но то что мы нашли
оказалось гораздо хуже

— что это значит?

— нет, нет
нет, нет

TUNTEMATTOMAN MIEHITTÄJÄN MUISTOMERKKI

Оммаж Хамдаму Закирову

Что общего у уйгуров и финнов, кроме русских (и азиатской экспедиции Маннергейма)?

Вопрос, в сущности, праздный,
а кровь, в принципе, реальная.

Карта говорит, что между городом Выборг, где в апреле 1918-го года было расстреляно красным командиром 30 человек,

и аулом Лавар в Уйгурском районе Алматинской области, где тем же апрелем 1918-го года было расстреляно красным командиром около 3 000 человек

(другой прадед чуть не стал 3001-м),
порядка четырех тысяч километров.

До сих пор не многие проходили этот путь, потому что, как нами сказано выше, общего у уйгуров и финнов — только русские (определённые). Так что же кости моего двоюродного прадеда гниют в финских лесах?

Почему, возможно, ему оторвало ногу
противопехотной миной, пока тот
пытался понять, зачем в уйгурском
два слова для «нет»,

а кости могут случайно
выкопать дети в финском ауле
и играть ими в кости?

Почему его мышцы,
есть такое предположение,
были разорваны голодными карельскими псами,
под радостные окрики:

«Ньет, Молотов, ньет, Молотов»?

Вопрос, в сущности, праздный,
а кровь, в принципе, реальная.

Да, прав читатель, это снова стихотворение
о бреши империи и её цепи времён,
смазанной только солдатской кровью
(и только) — и опять
я не сбежал от метафор, как мой предок
от мобилизации в 1939-м году,
чтобы мой возможный
сколько-то-там родной сиблинг,
не был сейчас посажен на 15 лет на Востоке за ничего,
не был убит бомбой белых людей в Афгане.
Впрочем, его нет, а значит и убить его потомка
не представляется возможности — win (is a win)
над белыми людьми, наконец-то.

Так вот, не дождались мы
установщика русской власти
старого грузина в Финляндии.
Жаль ли мне его,
вызвавшегося вместо старшего,
чтобы тот кормил семью и продолжал
малый народ, который так упорно
хочется людям истребить?
Финских моджахедов мне жалко больше.

Как сказал незаконченный набросок поэта:
«Если бы я пел песню,
в этом месте должна была бы порваться струна».
Что ж, вполне подойдет до финала
этой бессмысленной и печальной истории —
и только надежда,
что он дезертировал, и где-то по Финляндии,
ходят выведенные естественным путём морозоустойчивые
полу-уйгуры, полу-финно-угры, утешает.

Только мысль об узкоглазых финнах — только она.

«Ньет, Молотов, ньет, Молотов», — а после
рвётся струна.

Занавес закрывается,
снег одеялом укрывает кости.
Спи, мой двоюродный прадед,
поживший меньше меня.

Сарзамини Лилакҳои сӯзон¹
Когда мы встретились с Қ. в чайхоне на окраине города,
где мир
отталкивает тебя чуть меньше,
а солнце светит ярче, перед тем,
как он решил разменять беспредельность пейзажа
и воздух бесстрастного мира
на несколько красивых
строк в некрологе,
мне был дан монолог
на прощанье вместо долга:

— Иногда любовь проходит мимо,
словно мусора, когда у тебя в кармане
мешок травы, но и это неважно,
когда такая весна и такая сирень,
когда опять весна на белом свете,
когда Норуз пришёл, хотя мы и не звали,
и просили подождать, когда
соседа потушат.

Я еду в страну горящей сирени
и людей, с комком реальности
в горле в виде осколка
ядовитого зеркала, и когда они говорят,
то ненадолго всё становится видно.

¹ *Земля пылающей сирени (тадж.)*

Когда знакомый сказал,
хочет в страну, там люди
эти осколки глотают, и приехать
ко мне в гости, я его отравил,
ведь это игра: людей убивать нельзя,
но мы договорились, что иногда
можно.

Лишь бы только нигде ни за что не видеть никогда
больше степь, мальчика со свастикой
на кепке или смуглянки сирень ниспадающих прядь,
которую не поцелую опять и опять, опять и опять.

Гуед ба Навруз, ки имсол наояд².
Лишь бы Норуз пришел уже никогда.

Когда он закончил, я пожал его руку и сказал, что улица
за нами безлюдна,
а сирень цветёт и не может остановиться.

Я пошёл домой, а он —
в обратном направлении.

Сорвав ветку сирени,
чтобы её не растоптали сапоги,
положил в кувшин,
наполненный горной водой,
и ненадолго поломка была устранена,

но я так и не понял, чего в них было больше:
смерти, жизни, красоты, запаха,
памяти или бессмысленности.

² Строка «Передайте Наврузу, чтобы не приходил в этом году» принадлежит афганскому поэту Халилуллохи Халили.

Наталья Дроздова

НИКАКИХ СТИХОВ

ПОЭЗИЯ

Падай, звёздочка ясная,
падай в лес.
Сколько можно сиять...
Для кого? Зачем?
Главный твой астроном с пьедестала слез
и живёт как обычный свободный червь
и как Бог — без оружия, без искусств,
без тоски.
Только нежности смиренный хор.
Из-под кисти — всегдашний терновый куст.
Просто Логос.
И всё.
Никаких стихов.

В ЛЕСУ

Как же ты меня увидел в сизом сумраке, в деревьях?
Как слышала тебя я: «Эй! Сюда, сюда, сюда...»
Упадают с плеч кошёлки — мук бессмысленных отребья.
А трава втирает в ноги чудотворный скипидар.

Наталья Дроздова – поэт. Родилась в 1958 году в селе Нежеголь Шебекинского района Белгородской области. Окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Работала в газетах и книжных издательствах. Автор нескольких сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

И берёт своё природа и спешит в объятья мая.
Растерялся по оврагам городских страстей конвой.
И стоишь ты и смеёшься, ничего не понимая,
ничего уже не хочешь и не должен ничего.

По-над лесом ходит вечность, ищет утро или вечер,
чтобы вовремя явились унести весны красу,
чтоб осталась только осень, как на лбу весёлый венчик.
Никогда не перестанут птицы петь в твоём лесу.

СНОВА БУДТО

Снова закончилась повесть.
Снова октябрь, эпилог –
вечности медленный поезд,
мудрости радостный слог.

В мороке сыч мохноногий
бредни свои докричал.
Снова конец той дороге –
к дому, к началу начал,

мимо безжизненных станций
и неприветливых сёл.
Остановись и останься!
Будто закончилось всё –

ревности глупая драка,
гордых огней колорит...
Облако вышло из мрака
И над землёю парит.

Стол накрывают в светлице.
Грушею пахнет крющон.
Облако хочет пролиться.
Господи, как хорошо!

НЕ ДУМАЙ

Спускаясь в ад, не думай о печали.
Она не будет там тебе нужна.
Земля пуста, безвидна — как в Начале.
Нет фонарей. Лишь бледная луна
напоминает о былых обломах.
Да ветер жжёт, окурками шурша,
былых букетов серую солому,
что бережёт наивная душа.
И о проблемах мочеиспусканья
вещает диктор ловкому уму.
И спорит с вечностью одолеватель Каин.
И Авель улыбается ему.
И Авель улыбается тебе.
И Авель говорит: не верь толпе.
Посей зерно — умрёт, и встанет рожь.
Люби и верь тому, о чём поёшь.

Мадлен Бейлина

НА ДОНЫШКЕ ДУШИ

НАКАНУНЕ

...«бинь-бень»... «бень-бень»... «бинь-бень»... -
В парке, что в центре города,
на таратайке с узорами
зимний катают день.
Здесь снова тает снег
под азиатским солнцем.
Теплыми веретенцами воздуха видится бег.
Пахнет давней весной
или недавней осенью,
нет, не понять, чем больше...
Площадь.
Небо линияло-белёное.
Солнце.
Соборная колокольня.
Хочется
туда забраться,
скоро
начнется служба -
запоет хор,
заслушаться,
полетят голоса,

Мадлен Бейлина родилась в городе Алма-Ата в первый послевоенный год в семье агронома и учительницы начальной школы. Получила образование в КазГУ, на механико-математическом факультете. По окончании университета работала в ИВЦ (последняя должность - старший инженер-системщик). Активные увлечения на протяжении всей жизни - литература (поэзия, проза), хоровое пение, авторская песня.

с ними подняться!..
Вот-вот грянут колокола!
и сердце им будет вторить
глухим, с болью,
гулким боем
и
СЛА
ВА
БО
ГУ
на миг хоть
станет
душа моя вновь крылатой
обняв это все
собою

ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

...ты, память, выпукла? А вот и нет, ты — впукла,
когда, провалом затащить решив,
ты заставляешь вновь хотеть —
и кукла
мигнет на самом доньшке души...

Чудесная! кладут — закроем глазки,
и ждешь — а вдруг откроет?
тихо ждешь -
но, улыбнувшись, тетенька в повязке
ее пакует в мягких стружек «дождь»,
и розовую с золотым коробку
обнимет в счастье девочка — не ты...
А ты — всего лишь в сторону неловко
посмотришь,
и тихонечко — «в кусты»,
и дальше — вот оно: лакуна. Прочерк.

И — переезд, нужда еще сильнее,
и шепот мамы — ты прости уж, доча,
пальтишко было все-таки нужней...

«РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ»

«А на лужах-то ледок тонкий,
А у птичек голосок звонкий,
А наутро-то полно света,
Половины-то годков — нету!»

...мама, моя деточка,
тоненькая веточка,
гнута да кручёна,
«Зовсим же ж невчена»...

ЗРЕНИЕ

...слепой человек
с этой их легкой палочкой,
в фасонной мягкой шляпе с большими полями,
шарфиком, подобранным в тон
(ему-то не все ли равно?..) -
Боже мой,
как же он живет,
видит ли хоть что-то в своей темноте?!
а он приблизился,
улыбнулся
и сказал -
Здравствуйте!

ВСТРЕЧА

холод между лопаток озноб остуда
боже мой он смотрит уже оттуда
остов изглодан торчат еще больше уши
неузнаваем если смотреть снаружи
но не согнулся не сторбился не раздолбан
вот уже и смотреть не так неудобно
вот и уже узнаваем теплей теплее
Боже продли продли милостию Твоею

УСЛЫШАННОЕ

...а хороши на этой девочке джинсы...
и на мне, пожалуй, будут не хуже...
да и маечка вон та — неплохая...
впрочем, нет, такую все ж не надену...
Что ж я впрямь-то так себя запустила?
нет, отныне решено, — точно, буду
потихоньку, хоть по чуть, а все ж буду
на хорошие откладывать джинсы
с каждой
пенсии

ИГРАЮТ ЧАРДАШ

это чардаша ритм пульсирует в кончиках пальцев
говорит по венгерски я чудом его понимаю
отзывается в теле и сердце счастливою болью
это чардаша ритм

только-то и всего

...улыбаюсь..

СЛОВО ЛЮБВИ

может, и лгу... я не знаю!.. но все моё — правда...
о, помоги мне родиться — тобою...
поверь мне

ПРИ ДАРЕНИИ КНИГИ

вот тебе книга

неброская но приятная глазу обложка
и соразмерность
к ней сразу хочется прикоснуться не правда ли
это потому что те кто ее создавал
делали это с любовью
стремясь к гармонии

эта книга
издана в прошлом веке
но еще далеко не антиквариат
однако смело могу поручиться что раритет
я даже немного горжусь что могу тебе ее подарить -
когда ты начнешь ее читать
то с радостью обнаружишь
что она мудра
и в то же время
не только не печальна
а даже и потихоньку лукава
и это просто замечательно
такое действительно большая редкость

а есть ведь и еще одно чудесное свойство
ты сможешь
быть с нею когда захочешь
нужны будут только
ты

она
и твоё желание
и если будешь бережен
то всякий раз будет как первый
ты прочувствуешь многое ещё не читая
нелощеная бумага её листов
будет ласкать твои пальцы
своей настоящестью теплой
а когда вы будете говорить
сердечный этот разговор будет только меж вами
тобой
и ею
он
будет доверительным и открытым
и — да-да
в том именно темпе
что только меж вами двоими приемлем

и никогда не сможет надоесть

ведь это книга -
не телевизор
и другие разные-всякие ну очень продвинутые штуки
страдающие однако верхоглядством и несостоятельностью
из-за этой невозможнейшей современной гонки
совершенно чуждой природе человеческой
если хоть немного вдуматься

о да
конечно
понимание этого
как и соизмерение скоростей
происходит у каждого в своё время

возможно оно для тебя ещё не пришло
тогда
ты тоже должен будешь
это постичь

в свое
время

но она
будет ждать тебя

увидишь

она будет тебе нужна
когда доведется вернуться

вот только
постарайся
не задерживаться
дольше чем и в самом деле необходимо

пусть будет и это
в твоей памяти -
увы
ничто не вечно
а жизнь непредсказуема
и чрезвычайно хрупка
даже у книг

ТЕОРИЯ

Саша Левин

ПРИНЦЕССЫ КРОВОТОЧАТ

Пять казахстанских книг, написанных женщинами

Казахстанская литература в последние годы цветёт небывалым цветом: появилось сразу две премии, несколько мастерских, а также слегка спорная, но любопытная альтернатива Союзу писателей. Проходят книжные фестивали, выставки, презентации. Ключевое: целых три издательства выпускают книги отечественных авторов, и тем не приходится платить за право выйти к читателю. Виданное ли дело — платят авторам. Каких-то пять лет назад, в предыдущей версии реальности, такого размаха и представить было нельзя.

За 2024 год в РК вышло как минимум шесть художественных произведений разных жанров: от загодя премиальной прозы о национальной идентичности до хоррора. При этом и вполне поверхностный взгляд на новый литературный анамнез позволяет сделать однозначный вывод — проза в РК движется сообразно глобальным трендам.

Лауреатка Нобелевской премии по литературе за 2024 год — южнокорейская писательница Хан Ган. Главные «выстрелы» российской прозы в период с 2022-й по 24-й — Вера Богданова с мастерским «Сезоном отравленных плодов», Екатерина Манойло и её «Отец смотрит на запад». Продолжая обойму «Альпина.Проза», где и вышел «Отец»: Даша Благова, Ася Демишкевич, Ксения Буржская,

Саша Левин (Александр Левин) - писатель, прозаик, журналист, литературный критик. Родился, вырос и живет в Алматы. Повести и рассказы выходили в журнале «Книголюб», альманахе «Литературная Алма-Ата», сборниках «Байконур 2011» и «Проза в сети», а также в интернет-журнале «Перемены». Автор фантастического романа «Время займы» и хоррор-романа «Жакоша» (Zerde Publishing).

Хелена Поляркина. В России, если из не новых имён — Яна Вагнер, например, или Анна Старобинец. В Казахстане же (или из Казахстана) мы имеем книги Меруерт Алонсо, Камилы Ковязиной, Айгуль Клиновской, Алтынай Султан, Марии Омар. (О них мы и будем говорить). Очевидно одно: в русскоязычной прозе настало время женщин. И это хорошо.

Не хочется скатываться в риторику битвы полов, однако нельзя не признать, что между мужским и женским взглядом на мир и, соответственно, методом письма есть существенная разница. Раньше — не настолько давно, как хочется думать — и авторка, и персонажка были лишены собственного голоса и подчинены правилам «мужского мира». Чего стоит опостылевшая «девушка в беде», которую до сих пор нет-нет да и замечаешь на страницах книг и вполне состоявшихся литераторов. Но всё меняется.

Женщины поднимают «стыдные» темы, рассказывают и заявляют о себе открыто, настаивают на собственном мнении, чувствах, желаниях. Казалось бы, что революция эта должна была произойти давно, пора было, но между работами Элен Сиксу и Камилы Ковязиной — годы царствования «мужской мысли».

Однако теперь есть о чём поговорить, если не говорить о проблемах мужчин. В этой подборке — пять книг казахстанских авторок, на которые стоит обратить внимание.

БОЛЬШЕ НЕ СТЫДНО

Женские переживания в массовой культуре много лет сводились к страданиям выбора между Эдвардом и Джейкобом. Женщину никак не могло беспокоить ничего, кроме фигуры, одежды и романтических планов. Каренина, едва задумавшись о чём-то другом, бросилась под поезд. Сёстры Бронте, в честь которых назван кратер на Меркурии, представляют собой скорее исключение, подтверждающее правило (но и те начинали под мужскими псевдонимами). Ле Гуин подписывала книги таким макаром, чтобы было непонятно, женщина их писала или писал мужчина. Джордж Элиот, Жорж Санд — список длинный. При этом мужская «маска» так или иначе определяла и ракурсы. Мы не привыкли читать о постродовой депрессии, родах (такое чувство, говорят, будто ломается сразу с десятков

костей, а некоторые в процессе адской боли могут испытывать ещё и оргазм), отношениях женщины с собственным телом, обществом, традициями, родственниками и родителями. То есть, конечно, мы всё это видели, но не глазами женщины. Не чувствовали чувствами женщины.

Небольшой роман «Пять лет» Камилы Ковязиной — история глазами женщины. История о том, что бывает больно, страшно, непонятно, глупо, обидно. По-всякому бывает, и это нормально. Хотя авторка и не делает тут специального акцента, отдавая его на откуп читателю, но ненормально — это когда мужчина, сделавший ребёнка «не чистой» (что значит — не подходящей, конечно, для замужества) девушке, приносит ей в роддом какие-то смешные деньги «на ребёнка», и то только потому, что «пацаны сказали, что можно».

История главной героини и нескольких её подруг начинается в роддоме и продолжается пять лет после того, как она приносит в мир новую жизнь. Мы проживаем с ними боль, радость, ужас, стыд, оказываемся в тупиках (буквально и фигурально), ищем выходы. Красной нитью через весь текст громко, решительно, но и без дрожи звучит голос авторки, искренне обеспокоенной положением женщин в Казахстане. Это с одной стороны подкупает, с другой — является по сути главным минусом текста. Слишком энциклопедично выглядят научения, подчас чересчур критично, но, что весомее всего, — иногда начисто сбивая ритм, темп.

«Пять лет» — по гамбургскому счёту ученическое, но искреннее и талантливое высказывание о важном. Структура слегка подводит, но ничего. Пациент более чем жив.

Ландшафт современной русскоязычной литературы во многом определяют два издательских проекта: знаменитый импринт АСТ «РЕШ» (Редакция Елены Шубиной) и «Альпина.Проза». Самые интересные работы в последние годы, даже несмотря на некоторую общую тревожную неопределённость контекста, вызванную войной, выходят в этих двух редакциях.

Одно из имён-открытий 2024 года — Алтынай Султан, проза которой причудливым образом объединяет две несовместимые, казалось бы, оптики: Султан говорит от лица привилегированной в некотором роде представительницы дискриминируемой группы. Хорошо образованная, вообще-то избирательная, чуть-чуть даже капризная героиня потому жива, дышит сквозь буквы, что она не

юная деревенская Мэри Сью с непробиваемым чувством справедливости и не «видавшая виды», побитая жизнью и потому злая, и не «роковая красавица» — словом, её сложно затолкать в какой-то один троп. Она разная. Добрая, хорошая, злая. Честная. Смелая, трусиха. Рассеянная и наблюдательная, жёсткая и бесхарактерная. Она рассказывает историю из пространства отстранения — постсоветского роддома, каждый из которых не иначе как лимб, рассказывает последовательно, со всеми «неприличными» деталями. Будущей матери бывает больно и страшно. Принцессы кровоточат.

Кое-где стилистически избыточное, в частности, в угоду концепции говорения о том, о чём не говорят, но цепкое, отрезвляющее чтение.

УПРАЖНЕНИЯ В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

Первое. Зрелость литературы выражается главным образом в разнообразии: жанров, методов, сюжетов, тональности, а также тем и рассматриваемых вопросов. Чтобы понять, что условно укомплектован блок «серьёзной прозы», надо иметь в виду градацию этой самой серьёзности, знать в рынке прозу серьёзную очень, средне и, конечно, совсем не. И так — относительно всего.

Второе. Фантастика, триллер, в том числе психологический, хоррор, фэнтези и бытовая драма разного масштаба надлома — обычный жанровый набор для большинства авторов среднего культурного контекста. Этот же реестр методов формирует и спрос: читатель понимает, что если вне подобных негласных правил, то речь идёт не просто об автоматическом выборе по эн-скольким критериям, но о целой интеллектуальной работе. Эксперименты в этой связи должны быть оправданы, а не замыкаться на себя самих, если мы говорим о массовом продукте.

Третье. Читатель — существо натренированное. Большинство людей, являющихся частыми гостями книжных магазинов или маркетплейсов, знают, зачем пришли, где и по какому принципу искать свежее в нужном жанре, а где не стоит и время тратить. Продукт должен обращать на себя внимание и провоцировать интерес — «упаковкой» ли, личностью автора, авторитетными рекоменда-

ями или историей создания.

Следующие две книги из нашего с вами списка соотносятся со всеми вышеизложенными не то критериями, не то соображениями. Это крепкая беллетристика в самом хорошем смысле, которая к тому же с умом экспериментирует с жанрами.

Так, основное достоинство романа Айгуль Клиновской «Дата С» в том, что это бессовестно жизнеутверждающий мысленный эксперимент с милыми, узнаваемыми героями — в знакомых казахстанцам локациях. Тут же кроется и проблема: сюжетообразующее допущение — есть мысленный эксперимент, анекдот. Если задуматься всерьёз, то развалится примерно всё. Проходящий мимо незнакомец ляпнул, что вы умрёте такого-то числа. Вы вряд ли поверите, а если не получите убедительных внешних подтверждений пророчеству, то и вовсе забудете, как про странную глупость — мало ли, что бывает. Но Клиновскую интересует другое. Да, она как автор-наблюдатель попадает в жизнь героев не слишком, скажем так, нативно, но ей важнее всего именно попасть и начать наблюдать. Разный возраст, пол, характер, обстоятельства — каждый герой отражает целый срез современного общества.

«Разрешённые формы любви» за авторством Меруерт Алонсо — ещё один любопытный литературный экзерсис, на сей раз существующий в поле условно латиноамериканского магического реализма. Текст-чувство, текст-состояние, текст-моменты. Может быть, при заявленном спектре образности авторке иногда не хватает выразительных средств, и некоторые метафоры звучат до обидного банально, но в целом проделана гигантская работа над текстом и над собой. Для того, чтобы и читатель смог поработать той штукой, что стынет в серой череде будней под грудной клеткой.

Алонсо связывает события причудливыми связями, делает неожиданные выводы или просто фонетические или стилистические па, приглашая читателя в мир женщины, предлагая посмотреть на мир глазами женщины.

ЭТО ПРО МЕНЯ

История региона, показанная через призму жизни нескольких поколений одной семьи — приём, не претендующий на новизну.

При этом, как ни странно, всякий раз, при условии, что в таланте рассказчика мы не сомневаемся, каждой подобной истории всё-таки удаётся сказать нечто новое. Рефлексия женской доли и судьбы в истории и обществе — то, о чём действительно нужно говорить. Лишним не будет ни одно воспоминание.

Читая «Мёд и немного полыни» Марии Омар, невольно вспоминаешь (во всяком случае, автор этих строк) три непохожие одна на другую художественные работы — «Маленькие женщины» Луизы Мэй, «Эшелон на Самарканд» Гузель Яхиной и «Большая грудь, широкий зад» нобелевского лауреата Мо Яня. Это медленное чтение, как музыка, подчинённое переменам настроения, взлётам, падениям, увеличению или уменьшению громкости, интенсивности.

Это истории женщин из трёх поколений одной казахской семьи, чья жизнь проходит на фоне ключевых для региона и мира событий, которые так или иначе вторгаются в способ мышления героинь. Обозначим жанр как исторический автофикшн. И тут же стоит оговориться, что роман наследует у жанра и ярких его представителей далеко не все достоинства. И главный его недостаток, пожалуй, можно выразить одним словом: «мало». Деталей, фактуры, эмоций, запахов. История получилась замечательная, трогательная и важная, единственное — кажется, авторка слишком торопилась её рассказать. Есть ощущение, что материала хватило бы на целую сагу, но вместо этого мы имеем текст, в котором проносимся только по поверхности событий и лишь иногда погружаемся глубже.

Это, конечно, не исчерпывающий список авторок и книг. Стоит хотя бы вскользь упомянуть «Море споёт колыбельную» Нурайны Сатпаевой, сборник «Женский род. Единственное число» Сауле Кожатаевой, «Февраль» Орал Арукеновой. При этом качественный сдвиг случился не только в гендерной репрезентации писательского сообщества, но и в жанровом разнообразии, количестве выпускаемых единиц интеллектуального продукта. Самое время поднять бокалы за здоровье закипающей литературной жизни страны и надеяться, что это не разовый всплеск, а новый виток развития.

ПЕРЕВОДЫ

Krzysztof Szatrawski

CISZA/ТИШИНА

Перевод с польского Евгении Добровой

NIEOBECNOŚĆ

zatrzymane miejsca
nieruchomy czas
twoja nieobecność
zamyka pętle godzin
zakreśla dni i tygodnie
gdzieś wschodzi słońce, później
zapala się lampa księżyca
wszystko zdążyło się dokonać
kalendarz niezmiennie
wskazuje południe
pierwszego dnia roku
ukrywam się więc w ciemności
uciekam pod parasolem
unikam ciekawskich spojrzeń
nikt bowiem nie może wiedzieć
jak podobna jest moja tęsknota
do wszystkiego
co zdążyło już przeżyć
każde z nich

Кшиштоф Шатравски родился в 1961 году в Кентшине. Польский поэт, литературовед, культуртрегер, профессор Варминско-Мазурского университета (преподает музыкальные дисциплины), радиоведущий, переводчик немецкой, английской, израильской, русской поэзии. Известен переводами на польский Арно Хольца и Иосифа Бродского. Лауреат многих премий, почетный гражданин города Кентшин.

ТВОЕ ОТСУТСТВИЕ

замершие места
неподвижное время
твое отсутствие
затягивает временную петлю
очерчивает дни и недели
где-то восходит солнце, потом
зажигается лампа луны
все уже успело завершиться
календарь неизменно
показывает полдень
первого дня в году
и я прячусь в темноте
сбегаю под зонтом
скрываюсь от любопытных взглядов
ибо никто не знает
как похожа моя тоска
на все это вокруг
и что все уже удалось
мне пережить

WYGNANY Z RAJU

wygnany z raju
spoglądam za tobą
wygnany z raju
w miejski poranek
wygnany w jakiś
dzień niespodziewany
wijący się skrzypiąco
u stóp pasmem mrozu
na dworcu
żegnamy się

i zastygam w tej chwili rozstajnej
i widzę jak wracasz
do swojego świata
i nie odwracasz się
i jeszcze nie rozumiem
że oto przekroczyłaś granicę
pomiędzy tym, co się zdarzyło
i całym swoim było
i niekoniecznie tym co będzie
bo czy będzie coś w ogóle
to się jeszcze zobaczy

ИЗГНАННЫЙ ИЗ РАЯ

изгнанный из рая
я наблюдаю за тобой
изгнанный из рая
в городское утро
изгнанный в один
прекрасный день
скрипящий морозом
вьющийся под ногами поземкой
на вокзале
прощаемся
застываю в этом мгновении перепутья
и вижу, как ты возвращаешься
в свой мир
не оборачиваясь
я все еще не понял
что ты пересекла границу
между тем, что случилось
и тем, что у тебя уже было
и тем, что еще, может, будет
а будет ли что-то вообще
это мы еще поглядим

SŁOWA KTÓRE PRZYNIÓSŁ WIATR

wciąż jeszcze czuję
delikatne w ciemności drżenie
kiedy tuż po północy
wiatr powtarza starą melodię
radości i zapomnienia
wciąż czuję dreszcz
przebiegający twoje ciało
i jest to również ciało moje
mój dreszcz i tęsknota moja

tak upływają wszystkie dni i noce
głupcy przyglądają się temu
z niedowierzaniem
ale nie zwracam na to uwagi
dopóki bowiem czuję
smak twoich łez, zapach włosów
ciepło oddechu, dopóki
uczę się tej pamięci
odnajduję
najtajniejsze znaczenia snów
tak brzmią pieśni wiatru
mogę zadowolić się małą nadzieją
pamięcią rzeczy wielkich
ale nie wszystkie rzeczy
mogą być takie

СЛОВА, ПРИНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

я все еще чувствую
легкую дрожь в темноте
когда сразу после полуночи

ветер повторяет старую мелодию
радости и забвения
я все еще чувствую дрожь
охватившую твоё тело
которое одновременно и моё
мой трепет и моя тоска

так проходят ночи и дни
глупцы поглядывают на это
с недоверием
но мне все равно
пока я чувствую
вкус твоих слез, запах волос
тепло дыхания, пока
я учусь этой памяти
и нахожу
самые тайные значения снов
так звучат песни ветра
остаётся утешиться слабой надеждой
памятью о великих делах
да только не каждое дело
может стать таковым

PRZED ŚWITEM

budzę się pośród nocy
muzyka gdzieś z ciemności
cicho stuka w okno
zamykam oczy i nie widzę światła
ani twoich oczu, ani nawet gestu
zatrzymanego w niepamięci
jak brakujące słowo
jak wypowiedziane cicho słowo
które nigdy się nie spełni
i jak słowo którego nigdy
nie wypowiem

choćby ten codzienny grzech
mógł oczyścić z cierpienia
nie
kiedy budzę się
i otwieram okno za którym
wciąż jeszcze jest światło nocy
czyjeś kroki, słowa, śmiech
słyszę w sobie twój głos
o takiej godzinie muzyka ma zapach kawy
ale głos zamiera w kurzu
i szeleście zmiętych kopert
kiedy porządkuję stare zdjęcia
jak wszystkie dni
niespodziewanej samotności

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

просыпаюсь в ночи
музыка из темноты
тихо стучит в окно
закрываю глаза и не вижу ни света
ни твоих глаз, ни даже движения
замершего в забытьи
как слово, которого не хватило
как слово шепотом
которое не сбудется
как слово, что я никогда
не скажу
ежедневный мой грех
мог бы облегчить страдания
но нет
когда я просыпаюсь
распахиваю окно, за которым
все еще светит ночь
слышатся чьи-то шаги, смех, слова
я слышу в себе твой голос

В ЭТИ МИНУТЫ МУЗЫКА ПАХНЕТ КОФЕ
И ТВОЙ ГОЛОС ЗАМИРАЕТ В ПЫЛИ
В ШЕЛЕСТЕ МЯТЫХ КОНВЕРТОВ
КОГДА Я РАЗБИРАЮ СТАРЫЕ СНИМКИ
КАК И ДНИ
ВНЕЗАПНОГО ОДИНОЧЕСТВА

CISZA

jeszcze przez chwilę
pozwól mi słuchać
tej ciszy tak lekko
opadającej nad lasem
niech milczenie
odpowie na pytania
których się obawiam, wiem
nigdy ich nie wypowiedz
drzewa trwają w spokoju
drogą nikt nie przejeżdża
o tej porze
nie dzieje się nic
co mogłoby zburzyć
sens naszej rozmowy
więc jeszcze przez chwilę
pozwól nam milczeć
niech cisza mówi
naszymi głosami

ТИШИНА

позволь еще немного
мне послушать
тишину, так нежно
опadaющую над лесами
и пусть молчание

ответит на вопросы
которых не страшусь, я знаю
ты никогда их не задашь
деревья замерли в покое
никто не проезжает по дороге
в это время
не происходит ничего
что может оборвать
нить разговора
позволь, мы помолчим
еще немного
пусть тишина поговорит
нашими голосами

OSTATNIA ZWROTKA

to zapomnienie kazało mi wyśpiewać
ciemny kryształ twego ciała
błądzić za głosem który zwodzi
na bezdroża nieprzespanych nocy
to zapomnienie łatwe i bezkarne
zburzyło ostatnią ścianę strachu
ale kiedy cofnęły się spłoszone dłonie
zmieniając na zawsze kolejność
wszystkich zdarzeń
nasze usta powtarzały wciąż jeszcze
te stare pieśni i przyrzeczenia
ich smak pozostał wiosną
pozostał pierwszym wtajemniczeniem
ich smak stał się ostatnią zwrotką
pieśni która odwraca biegi rzek
która płacze drogi i cofa czas
nie pytając o sens tego wszystkiego

tak łatwo zapominamy
o zwrotce ostatniej
tak łatwo uczymy się jej od nowa

ПОСЛЕДНИЙ КУПЛЕТ

это беспамятство побудило меня воспевать
темный кристалл твоего тела
блуждать вслед за голосом, который заманивает
на бездорожье бессонных ночей
безнаказанное легкое беспамятство
разрушило последнюю стену страха
но, когда испуганные руки отстранились
навсегда меняя ход
событий
наши губы все еще повторяли
эти старые песнопения и обеты
вкус их остался весной
стал первым таинством
последним куплетом
песни, что сокрушает берега
путает дороги, поворачивает время вспять
не заботясь о смысле происходящего

мы так легко забываем
о последнем куплете
и так легко разучиваем его снова

SØZDAY

Независимый литературно-художественный журнал

Наш журнал — это независимый литературный проект, созданный для поддержки и продвижения современной авторской прозы и поэзии.

Журнал представляет собой периодически выходящий сборник литературных произведений, публикуемый в электронном и ограниченном печатном виде (тираж не превышает 99 экземпляров и предназначен исключительно для частного пользования).

Мы не являемся средством массовой информации, не публикуем новостные или публицистические материалы и не осуществляем информационную деятельность.

Все тексты — авторские произведения художественного и философского характера, распространяются исключительно в рамках культурного обмена и с соблюдением авторских прав.

Редакция не имеет возможности вести переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность и содержание предоставленных материалов. Все материалы должны быть оригинальными и неопубликованными прежде. Права на тексты принадлежат авторам. Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке любых наших материалов ссылка на журнал SØZ-DAY обязательна.

**SØZDAY – ЭТО НЕКОММЕРЧЕСКИЙ ПРОЕКТ, НАЦЕЛЕННЫЙ
НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ.**

**ХОТИТЕ ОКАЗАТЬ НАМ ПОДДЕРЖКУ?
БУДЕМ БЛАГОДАРНЫ ЗА ВАШ ВКЛАД!**

WWW.SOZDAY.KZ/DONATION

**OUR MAGAZINE IS A NON-PROFIT PROJECT AIMED
TO DEVELOP THE CULTURE AND LITERATURE.**

**WOULD YOU LIKE TO SUPPORT US?
WE WOULD BE GRATEFUL FOR YOUR CONTRIBUTION!**

**ПРИГЛАШАЕМ НАЧИНАЮЩИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХ АВТОРОВ
НА КУРС ИЛЫИ ОДЕГОВА ПО ПИСАТЕЛЬСКОМУ МАСТЕРСТВУ**

«ЛИТПРАКТИКУМ: БАЗА»!

- Обучение сторителлингу
- Реализация таланта
- От 3 до 8 написанных рассказов по завершению курса
- Общение с единомышленниками
- Возможность публикации
- У выпускников курса уже более 50 изданных книг!

Подробности по ссылке: www.ilyaodegov.com/lit_baza

SØZDAY

#2 (03) 2025

Независимый литературно-художественный журнал
Основан в июне 2024 г.

www.sozday.kz

Главный редактор

Илья Одегов

Координаторы

Жанара Аламанова

Дина Абдулхамид

Редакторы

Владислав Резников

Ольга Капитова

Веб и СММ

Алексей Талаев

Алия Нуржанова

sozday@sozday.kz

www.sozday.kz